

LA 466
304

4 | 466
304

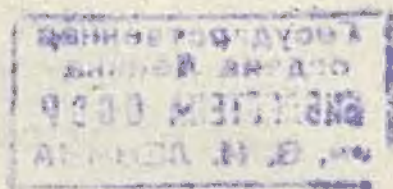
р 1-76
13204

РѢШЕНІЕ ВОПРОСА:

По причинѣ безпрестаннаго умноженія массы Историческихъ свѣдѣній и распространенія объема Истории, не оказывающа ли нужнымъ измѣнить обыкновенный способъ преподаванія сей науки, и какой онъ долженъ быть именно, какъ вообще, такъ и особенно въ Университетахъ?

РАЗСУЖДЕНІЕ,

Написанное Кандидатомъ Владиміромъ Цыжомъ, для полученія степени Магистра по части Историческихъ наукъ.

ХАРЬКОВЪ.

Въ Университетской Типографіи, 1853 года.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Всѣ предметы, какъ подлежащіе чувствамъ человека, такъ и тѣ, существованіе коихъ долженъ необходимо допустить нашъ разумъ, составляютъ Вселенную. Принадлежности существованія сихъ предметовъ, постоянно ими обнаруживаемыя, (свойства вещей) жизнь ихъ и измѣненія, взаимныя отношенія, взаимныя другъ на друга дѣйствія — составляютъ матеріалы знанія, объективно познавательной способности вообще. Для разума, неограничиваемаго слабостію и несовершенствомъ ума человеческого, знаніе сіе было бы также полно, цѣло, нераздѣльно, совершенно, такое же гармоническое, какъ и великая, естли смѣю такъ выразиться, драма жизни всемірной. — Умъ человѣческій, принужденный, по своей слабости, прибѣгнуть къ систематизму и

эклесиизму, дѣлитъ массу доступныхъ для него знаній на отрасли, смотря по роду предметовъ, доставляющихъ матеріалы для его познавательной способности, и по свойству самихъ сихъ матеріаловъ, безотносительно къ предметамъ, ихъ доставляющимъ; ищетъ, на основаніи какой нибудь идеи, во всякой изъ оныхъ отраслей ближайшаго сродства между фактами, ее составляющими, и такимъ образомъ водворяетъ въ ней порядокъ и систему; отвергаетъ то, что относится или его самого, какъ звена занимающаго извѣстное мѣсто въ общей цѣли существъ, или условій, налагаемыхъ на него гражданскою жизнью и личныхъ его выгодъ, кажется ему маловажнымъ; спарается собственною своею дѣятельностію, силами представительной и изслѣдовательной способностей, создать знанія, кои недоступны для познавательной, или тѣ, къ приобрѣтенію коихъ лишаетъ средствъ его случайное развитіе обстоятельствъ и отношеній. — Систематизирующий такимъ образомъ массу ученыхъ матеріаловъ умъ че-

ловѣческой, проходя цѣпь предметовъ, составляющихъ хранилище его знаній, основанъ на человѣкѣ; угадалъ двойственность его природы; опредѣлилъ жизнь и развитіе нравственной и физической; привелъ въ систему факты первой, и родилась Исторія.

Исторія, сохраняя свойства знанія всеобщаго, безошносительнаго, коего часть, она составляетъ, есть наука, изображающая теченіе нравственной жизни рода человѣческаго, какъ индивидуально, такъ и по народамъ, и относительно всего человечества. Предметъ ея — человѣкъ, 'поколикую онъ является въ дѣйствіяхъ своихъ какъ существо, одаренное разумомъ. Она обнимаетъ нравственную жизнь всѣхъ народовъ и всѣ проявленія оной, не прибѣгая къ выбору, и не основывая его на относительной важности ни тѣхъ ни другихъ. Предоставляя другимъ наукамъ изслѣдованіе свойствъ духовной природы человѣка, она присвождаетъ себѣ ея дѣйствія. Это Исторія въ идеалѣ. Она можетъ существовать для разума выше

*Исторія
идеалъ*

человѣческаго: для человѣка она несущес-
вуеть. Сдѣлавшись достояніемъ его, она
успрашила всю полношу, всѣ совершенства
своего идеала: объемъ ея ограниченъ, пра-
ва нарушены другими науками. Слѣдующія
причины, дѣлая идеальную Исторію невоз-
можною для человѣка, указываютъ какъ бы
главныя шочки для описанія круга Исторіи
доступной для ума человѣческаго:

1.) *Недостатокъ матеріаловъ для со-
ставленія идеальной Исторіи.* — Вообще
масса Историческихъ фактовъ, извѣстныхъ
намъ, совершенно ничтожна въ сравненіи съ
тѣмъ, сколько нужно для составленія пол-
ной Исторіи рода человѣческаго, — недоста-
точно, есть ли даже разсмаширивать сію на-
уку съ шочки зрѣнія не столь высокой,
если даже ограничить идеальный объемъ
ея. Множество народовъ исчезли съ лица
земли, не оставивъ, кромѣ имени, никакого
слѣда своего существованія; о другихъ со-
хранились только темныя преданія, или
опрывочныя свѣдѣнія, изъ коихъ нельзя со-
савить ничего цѣлаго систематическаго.

Самая Исторія народовъ болѣе извѣстныхъ дошла до насъ въ видѣ искаженномъ, испорченномъ: изъ такого-то періода ея мы не имѣемъ никакихъ почини фактовъ, другой являеися въ оболочкѣ народной Поэзіи. Вообще нѣтъ ни одного народа, коего Исторія для пополненія и объясненія своего не требовала бы изслѣдованій и гипотезъ, часто слишкомъ гадательныхъ. Особенно недоспащны наши Историческія свѣдѣнія о народахъ древняго міра. Я неговорю уже о расселеніи рода человѣческаго и поспешенномъ образованіи той системы жилищъ народовъ, которую мы встрѣчаемъ въ первой разъ въ Исторіи: это должно было остаться неизвѣстнымъ, по неизбежному недоспащку Историческихъ извѣстій о періодѣ всеобщаго младенчества рода человѣческаго, не ознакомившагося еще ни сколько съ искусствами, не имѣвшаго еще понятія о средствахъ упрочивать дѣянія свои въ памяти потомства. Сколько есть важнѣйшихъ вопросовъ касательно позднѣйшаго періода Исторіи, коихъ не могутъ рѣшить

удовлетворительно никакія изслѣдованія! Какъ возникло просвѣщеніе въ Индіи и Египтѣ, какъ образовался религіозно — полишическій бытъ сихъ знаменитыхъ народовъ; съ какими другими народами древности находились они въ сношеніяхъ? Что мы знаемъ объ интересномъ народѣ Эіопійскомъ, о Царствахъ Мерое и Аксумѣ, о системѣ Гіерархическихъ Государствъ, которую въвроятно, или, лучше сказать, болѣе, нежели въвроятно, составляли различныя племена сего народа? Много ли извѣстно намъ объ оригинальномъ народѣ Эпрусскомъ, о его бытѣ религіозномъ и гражданскомъ, объ удивительной системѣ предсказыванія будущаго? Народы, жившіе искони въ Малой Азіи, конечно не столь знамениты; но Исторія ихъ также важна относительно, а она для насъ почти совершенно не существуетъ. О Грекахъ и Римлянахъ знаемъ мы несравненно болѣе, нежели о всѣхъ другихъ народахъ древности; но первоначальная Исторія ихъ темна, недостаточна, тѣсно соединена съ вымыслами народной Поэзіи

и религіозными міѳами; стараются объяс-
нить ее изслѣдованіями, но гипотезы из-
слѣдователей не могутъ замѣнить чисто
Историческихъ фактовъ. — Исторія среднихъ
вѣковъ извѣстна намъ гораздо болѣе древ-
ней; по крайней мѣрѣ мы имѣемъ довольно
матеріаловъ для составленія систематиче-
ской, подробной Исторіи происшествій Ев-
ропейскихъ народовъ, и что еще важнѣе,
для изображенія перваго періода развитія
гражданскаго и умственнаго образованія
оныхъ. — Но можно ли тоже самое сказать
о современныхъ народахъ Азіатскихъ? От-
куда, на примѣръ, почерпнуть свѣдѣнія для
того что бы обработать критически
Исторію большаго Калифа и другихъ
Царствъ знаменитаго народа Аравійскаго,
представить полную картину его населенія,
торговли, сношеній съ другими народами?
Скажутъ: въ архивахъ Арабской Литера-
туры, — едва ли. — Новая Исторія еще богаче,
полнѣе свѣдѣніями, нежели Средняя, и это,
если не ошибаюсь, равно относится къ
народамъ другихъ частей свѣта. Но и здѣсь

Историкъ — Критикъ не можетъ сказать: *nil amplius desidero*. Сколько есть такого, что осталось навсегда тайною для людей частныхъ; сколько есть важнѣйшихъ происшествій, коихъ истинная причина облечена непроницаемостію кабинетной дипломатики; сколько характеровъ должны остаться изображенными невольнѣ, по той же самой причинѣ!

2.) *Относительная слабость умственныхъ способностей человека и ограниченность круга его дѣятельности и отношеній.* Слабость сія обнаруживается и въ собираніи Историческихъ матеріаловъ, и въ обработываніи оныхъ, и въ изученіи. Слѣдовательно за всякимъ Историческимъ движеніемъ человека, извѣстнаго числа людей и наконецъ цѣлаго народа; искать всему причины въ тайныхъ побужденіяхъ нравственности человѣческой; приводить безпрерывно частное къ общему; замѣчать въ то же время общій ходъ жизни рода человѣческаго — невозможно. Какъ ограниченны силы человѣческія сравнительно съ огромностію массы

ученыхъ матеріаловъ; сколько требуетъ труда подробное изложеніе одного какого нибудь важнаго происшествія, даже при совершенной извѣстности фактовъ, къ оному относящихся! Нужно развить истинную причину онаго изъ предшесствующихъ событий; угадать внутреннюю связь между его подробностями; сообщить имъ единство, приведеніемъ къ одной общей Идеи; — нужно постигнуть характеръ и, такъ сказать, истинное значеніе цѣлаго происшествія и отношенія его къ предшесствующимъ и послѣдующимъ звенамъ общей цѣли событий: часно такому занятію посвящается большая часть жизни даже гениальнаго человѣка. Можно навѣрно полагать, что если бы и не было никакого препятствія, со стороны недоснатка матеріаловъ, къ составленію полной Исторіи рода человѣческаго, по идеалу ся, много представленному; то и тогда бы весь классъ ученыхъ людей, посвятивъ себя исключительно сей наукѣ, не успѣвалъ обрабатывать безпрестанно накапливающихся фактовъ, и цѣлыя столѣтія потребны бы

были для начертанія по сей идеи Истории предшесствующей. Но есѣли бы цѣль сія и была достигнута, есѣли бы сей колоссальный трудъ и былъ оконченъ, кто бы могъ вполнѣ воспользоваться онымъ? Достаточно ли для сего память человѣческая, достаточно ли время жизни нашей?

3.) *Понятія человека о важности сціентифическихъ предметовъ, какъ безотносительно, такъ и относительно къ личнымъ его пользамъ и выгодамъ.* Я сказалъ выше, что умъ человѣческій руководствуется въ созиданіи систематическаго круга своей учености эклектизмомъ. Это относится какъ къ другимъ наукамъ, такъ и особенно къ Истории. Человеку какъ-то не вѣрится, чтобы всякое вѣншее проявленіе нравственной его жизни имѣло какую нибудь важность и заслуживало его вниманіе. Онъ скучаетъ обыкновенными происшествіями, и выбираетъ изъ нихъ только разительныя, сильно возбуждающія его любопытство; цѣнитъ только какуціяся ему важными, по его отношеніямъ, назидательными для его

нравственности, или наконецъ такія, знаніе
коихъ можетъ принести ему какую нибудь
вещественную пользу. Составляя всеобщую
Исторію рода человѣческаго, онъ, во вся-
комъ изъ глазныхъ ея періодовъ, обращаетъ
вниманіе только на ту массу народовъ, въ
жизни коихъ нравственныя силы человѣче-
ства обнаруживаются въ высшей степени;
съ происшествіями сихъ однихъ народовъ
соединяетъ интересъ всемірно — Истори-
ческій: другихъ современныхъ касается слег-
ка, или вовсе преходитъ молчаніемъ. Чело-
вѣкъ конечно угадываетъ существованіе
гармоніи, связующей между собою какъ всѣ
народы, такъ и дѣянія ихъ; знаетъ, что въ
сферѣ дѣйствій его все имѣетъ свое значе-
ніе и цѣль; что въ бытіи человѣческомъ
нѣтъ ничего безусловно важнаго, и дѣянія
народовъ образованныхъ имѣютъ только
цѣнность въ сравненіи съ происшествіями
дикарей; но онъ слѣдуетъ во всемъ влеченію
своихъ понятій, и измѣряетъ все своими си-
лами.

На основаніи всего вышесказаннаго, Исторія есть знаніе неопредѣленное, неполное, несовершенное и, такъ сказать, отрывочное. Опредѣлить ее рѣзкою черпою отъ другихъ сродныхъ съ нею наукъ, и дать ей опредѣленный объемъ и единство по одной общей идее — почти невозможно. Неопредѣленность сія усматривается изъ различныхъ точекъ зрѣнія, съ которыхъ смотрѣли въ разныя времена на сію науку и идеи, по коимъ занимались ея обработываніемъ. Въ продолженіи 25 столѣтій, съ того времени какъ сдѣлалось извѣстнымъ имя Исторіи, сія важная наука измѣняла нѣсколько разъ свой характеръ, свое общее направленіе, свой объемъ, — нѣсколько разъ дѣлалась почти другою наукою, удерживая одно и то же имя. По сей-же самой причинѣ такъ различны, такъ неудовлетворительны и самыя опредѣленія Исторіи: по крайней мѣрѣ я не знаю ни одного, которое бы обнимало все въпави сей науки и давало точное понятіе объ объемѣ ея. Не придерживаясь опредѣленій другихъ, осмѣливаюсь предсавить свое

собственное, не позволяя впрочемъ себѣ ни-
какъ думать, чтобы оно было сколько ни-
будь удовлетворительно. По моему мнѣнію
предметъ Исторіи четвероякій: 1.) Она
излагаетъ достойныя вниманія происшествія
важнѣйшихъ народовъ. 2.) Излагаетъ по-
степенное развитіе всѣхъ элементовъ чело-
вѣчества. 3.) Повѣряетъ истинность сооб-
щаемыхъ ей фактовъ; предложительно сози-
даетъ, на извѣстномъ основаніи, новыя, или
открываетъ новыя отношенія уже извѣст-
ныхъ. 4) Стараются постигнуть скрытыя
отношенія происшествій, непримѣныя при
обыкновенномъ возрѣніи на оныя.

На семь основаній въ кругъ Исторіи
войдутъ: 1) *Факты явные*; — проявленія чело-
вѣческой жизни, совмѣстныя, относительно
или умонасладѣльных, составляющихъ одно
гражданское общество, или цѣлыхъ наро-
довъ, развившіяся въ кругъ гражданского бытія
и имѣющія непосредственное отношеніе къ
оному. Факты сіи только тогда принимаются
Исторіа, когда имѣется основаніе, недопу-
скающее сомнѣваться въ ихъ истинности,

касательно Авклиоризма,сообразности ихъ
безопасительной и сообразности относи-
тельной; — обыкновенныя происшествія въ
бытѣ гражданскомъ. 2) *Факты скрытые*
(des faits cachés). Событія, конхъ подробности,
ходъ и шакъ сказать, созрѣваніе, по свой-
ству своему, обыкновенно непримѣтны для
лицъ, принимающихъ въ оныхъ участіе, и
кои укрываются отъ взоровъ позднѣйшихъ
Историковъ; — дѣльныя цѣли событій, являю-
щіяся рѣзко только въ результатахъ, или
главныхъ своихъ отдѣлахъ: постепенное об-
разованіе народовъ умственное и граждан-
ское и пр. 3) *Факты гипотетическіе*.
Присшествія, которыя умъ Крипико-Ис-
торическій выводилъ, руководствуясь вѣро-
ятностію, изъ другихъ данныхъ происшест-
вій, или кои созидаетъ онъ на какомъ ни-
будь извѣстномъ основаніи. Присшествія
сего рода обыкновенно пополняютъ проме-
жутки въ Исторіи рода человеческого. Они
принимаются въ кругъ науки только тогда,
когда имѣютъ высокую степень вѣроят-
ности. 4) *Философическая часть Исторіи*.

Она не занимается изложеніемъ и обработкою фактовъ и выводеніемъ новыхъ на основаніи извѣстныхъ: факты служатъ ей только средствомъ для цѣли особенной. Философическая Исторія, не довольствуясь обыкновеннымъ взглядомъ на происшествія, старается постигнуть внутренній ихъ характеръ, истинный, такъ сказать, смыслъ и значеніе; показываетъ какъ связь событій между собою, такъ и отношеніе ихъ къ общей цѣли дѣяній рода человѣческаго; стремится воодушевить безконечно разнообразную массу происшествій одною общою идеєю и создать изъ нея историческое цѣлое. Сія отрасль Исторіи почти совершенно гипотетическая. Чтò именно изъ произведеній ея должно войти въ кругъ науки, опредѣлить еще трудно, нежели въ фактахъ гадательныхъ: возвышенность взгляда и гениальное глубокомысліе рѣшаютъ здѣсь, по моему мнѣнію, гораздо болѣе вѣроятности.

Желаніе передать память о себѣ потомству, это стремленіе удовлетворить одному изъ драгоценнѣйшихъ чувствъ человѣческаго

сердца, столь же сродно человеку, какъ и любопытство знать о прошедшемъ. Оно существовало и существуетъ вездѣ, гдѣ жилъ и живетъ родъ человѣческій; всѣ народы прибѣгаютъ къ различнымъ средствамъ для удовлетворенія оному. Дикари стараются увѣковѣчивать слѣды своего существованія пѣснями и преданіями, заставляя оныя, подобно святынямъ, своимъ потомкамъ. Народы, вышедшіе изъ состоянія дикости, употребляютъ съ того же цѣлью разные вещественные знаки, общепринятые въ кругу ихъ; а стоящіе на извѣстной степеніи образованности, ознакомившіеся сколько нибудь съ науками и искусствами, составляютъ лѣтописи. У народовъ Азии средства сии были несравненно совершеннѣе, нежели у дикарей Африки и Америки. Не смотря на то, Исторія, въ истинномъ смыслѣ сего слова, никогда не была достояніемъ ихъ. Мечтательный, суевѣрный Азіятецъ, пораженный предразсудкамъ, исполненный обо всемъ ложныхъ мифовъ, съ совершенною беззаботливостію объ истинѣ, съ поверхно-

спынымъ взглядомъ на вещи, не могъ провести рѣзкой черты между дѣйствительностію и вымысломъ, не могъ облечь разнообразнаго, обезображеннаго нелѣпостями знанія о прошедшемъ въ достоинство науки: для сего потребно было глубокомысліе, безпокойное стремленіе къ открытію истины, свобода разсужденій и обширность взгляда, врожденныя Европейцу. И дѣйствительно Исторія, какъ наука, обязана происхожденіемъ и развитіемъ своимъ народамъ Европы. Она родилась у Грековъ. Первые Историки сего народа извѣстны подъ именемъ Логографовъ. Не смотря на то что сочиненія ихъ наполнены были всякаго рода баснями, что развѣска происшествій выводима была отъ причинъ съѣше, что историческіе факты мѣшались непрерывно съ религіозными повѣріями и мнѣями, что объемъ твореній ихъ ограничивался по большей части исторіею одного какого нибудь города или народа; мы усматриваемъ въ нихъ первое стремленіе изслѣдовательнаго ума отдѣлать истинное отъ ложнаго, первый зародышъ Историчес-

ской критики, а следовательно и самой Исторіи. Логографамъ наследовалъ Геродотъ; онъ возвелъ Исторію на степень науки. Хотя въ твореніи его нѣтъ единства и опредѣленнаго плана, хотя онъ не имѣлъ яснаго понятія объ объемѣ Исторіи и свойства предметовъ, долженствующихъ войти въ оной, принявъ въ своемъ твореніи, безъ надлежащаго изслѣдованія, множество происшествій, несообразныхъ съ обыкновеннымъ порядкомъ вещей, не примѣнивъ на многихъ слышанныхъ имъ рассказахъ признаковъ вымысла, — не смотря на все это, Геродотъ былъ глубоко проникнутъ чувствомъ критики, высоко цѣнилъ историческую истину, и употреблялъ всѣ усилія, всѣ средства для открытія ея въ происшествіяхъ. Твореніе его, не смотря на легкіе слѣды ориентализма, которые оно на себѣ носитъ, можно смѣло признавать первымъ Историческимъ. Со времени Геродота Исторію начали разсматривать какъ особенную отрасль познаній человѣческихъ, а въ новѣйшее время дали ей почетное мѣсто въ системѣ дру-

гихъ наукъ. Всѣ просвѣщенные народы Европы болѣе или менѣе цѣнятъ достоинство ея, болѣе или менѣе занимающа ея.

Ни одна, можетъ быть, наука, какъ я выше сказалъ, не была обрабатываема по плану столь разнобразному, ни одна непрерывнѣла столь часто своего направленія. Предметъ для всѣхъ Историковъ одинъ — прошедшій событія. Но какъ разсмапривать предметъ сей, какъ его обрабатывать? Ограничиться ли даннѣмъ количествомъ матеріаловъ относительно какого нибудь отдѣла Исторіи, или дополнять его новыми, посредствомъ изслѣдованій? Для другаго отдѣла масса историческихъ свѣдѣній слишкомъ обременительна своего полнотою; надобно прибѣгнуть къ выбору: чѣмъ же руководствоваться въ семъ выборѣ, на какомъ основаніи предпочесть факты одного рода фактамъ другаго? Довольствоваться ли обыкновеннымъ взглядомъ на происшествія, при изложеніи ихъ, или стараться постигнуть скрышныя, внутреннія, такъ сказать, отношенія однихъ, непримѣшныя при первомъ воз-

рѣшии? Достопапчымъ ли починашь одно изложеніе событій, предославивъ выводить изъ нихъ сужденія другимъ, или соединяшь съ ними свои собственныя? Опъ того или другаго способа, которымъ авторы рѣшаютъ для себя сіи и подобныя имъ вопросы, зависить такой или иной характеръ Историческихъ ихъ швореній, и самое направленіе Исторіи. Главнѣйшія изъ таковыхъ направленій, которыя получала въ различныя времена Исторія, суть слѣдующія:

1.) *Риторическое*. Сіе направленіе Исторіи господствуетъ въ тѣхъ Историческихъ швореніяхъ, коихъ авторы заботились болѣе всего о занимательности происшествій и красотѣ изложенія оныхъ. Это было главною цѣлью ихъ. Они болѣе всего обращали вниманіе на достоинства слога; старались сдѣлать свой расказъ плавнымъ и красивымъ, повѣствованію сообщить разнообразіе и занимательность, живо представить происшествія, и дать имъ яркій колоритъ. Все другое было постороннимъ: часто не обращали вниманія на свойство происше-

ствій, не старались постигнуть истинный характеръ оныхъ, не повѣряли даже истинности ихъ критикою, Такія Историческія произведенія оцѣнивались подобно чисто—Литературнымъ, а творцы ихъ сравниваемы были между собою какъ художники. Типъ Ливій, на примѣръ, уподобляется Геродоту, Тацитъ Фукидиду, и насамъ же основаніи Историческому сочиненію Боссюета дали почетное мѣсто между знаменитѣйшими твореніями. Сіе направленіе Исторіи было господствующимъ у древнихъ.

2) *Эклектическое*. Сей характеръ Исторіи *Эклектизмъ* относился къ выбору историческихъ матеріаловъ. Весьма многіе авторы, сверхъ общей цѣли, предположенной для всякаго Историка, имѣли въ виду какую нибудь частную, руководствовались какою нибудь особенною идеею. Вѣрные сей идеи, они обращали преимущественное, или даже исключительное вниманіе только на тѣ историческія факты, кои годны были для ихъ цѣли; смотрѣли на происшествія съ своей точки зрѣнія, касались одной стороны ихъ. Такое

общее эклектическое, или одностороннее направление Исторіи имѣло различныя частныя, смотря по идеи, коимъ руководствовался авторъ и цѣли, имѣ оныя себѣ предположенной. Главнѣйшія изъ нихъ суть:

А) *Иравственное*; когда выборъ фактовъ, долженствующихъ служить матеріалами для Историческаго творенія, дѣлается на основаніи назидательности ихъ въ нравственномъ отношеніи, или если разсматривается болѣе всего нравственная сторона происшествій. Исторія получила сіе направленіе, подобно предыдущему, у древнихъ. Изъ всѣхъ ихъ Историковъ, коихъ сочиненія дошли до насъ, Плутархъ, если я не ошибаюсь, первый далъ ей оное своими *Βίοις Παράλληλοις*. Добродѣтельный Проконсулъ Ахайи удовлетворяетъ и любопытству нашему, показывая во многихъ случаяхъ и заботливостъ свою касательно истины происшествій, подмучивая надъ Клезіазомъ и другими Историками, часто вдается въ философскія разсужденія, но главная цѣль его — правоученіе. Въ новомъ ученѣ бытъ на-

кое направлѣніе Исторіи довольно обыкновенно. Неупоминая о множествахъ другихъ, занимавшихся обработываніемъ ея по сей денъ, назову здѣсь Роллена и Милоша. Въ новѣйшее время, съ распространѣніемъ совершенно новыхъ понятій о сей наукѣ, нравственное направлѣніе ея почти вовсе осмѣвлено: покрайней мѣрѣ я незнаю ни одного изъ важнѣйшихъ современныхъ твореній, написаннаго въ семъ духѣ.

Б). *Политическое*. Главная цѣль автора — изобразить гражданское развитіе рода человеческого. Основаніе, на которомъ опъ дѣлаетъ выборъ фактовъ — оппосительность ихъ къ гражданскому быту народовъ, коихъ исторіи опъ касается. Такъ какъ высочайшая степень развитія нравственной жизни рода человеческого обнаруживается въ гражданскихъ обществахъ, то, и самыя событія дѣиавшіяся обыкновенно въ историческомъ отношеніи пополику, поколику они суть результаты гражданского соединенія народовъ. Поэтому-то политическое направлѣніе Исторіи самое общее и обыкновенное.

можно даже сказать, что оно господствуетъ во всѣхъ тѣхъ твореніяхъ Историческихъ, которыхъ авторы не руководствовались какою нибудь особенною идеею. Впрочемъ не смотря на обширность круга сего направленія, какъ въ древности, такъ и въ новомъ ученѣ бытѣ, политическій характеръ Исторіи, до послѣдняго времени, никогда не господствовалъ въ Историческихъ твореніяхъ исключительно: относительность происшествій къ гражданскому быту никогда не цѣнили столь высоко, что бы не давали мѣста въ повѣствованіи фактамъ другаго рода. Исключительнымъ явился сей характеръ въ нѣкоторыхъ новѣйшихъ Историческихъ твореніяхъ, особенно Англійскихъ. Не изчисляя другихъ, указываю на извѣстное сочиненіе Гамма: *Еurope au moyen âge*.

С. Религіозное. Когда выборъ фактовъ дѣлается на основаніи важности ихъ въ религіозномъ отношеніи, или если разсматривается одна религіозная сторона происшествій. Древнимъ сей характеръ Испо-

ріи былъ совершенно неизвѣстенъ; въ новомъ ученіи былъ кругъ религіознаго направленія самый тѣсный. — Боссюетъ.

3). *Исслѣдовательное, или критическое.* Недостатокъ фактовъ, относящихся къ какому нибудь происшествію, или цѣлому отдѣлу Исторіи, или сомнительная истинность ихъ часто заставляетъ Историка прибѣгать къ изслѣдованіямъ. Здѣсь критическій умъ истощаетъ всѣ усилія, прибѣгаетъ ко всѣмъ средствамъ: сличаетъ противорѣчащія показанія лѣтописей, прислушивается къ народнымъ преданіямъ и пѣснямъ, изслѣдуетъ остатки древности, изучаетъ современные обычаи, старается сблизиться съ духомъ минувшихъ временъ и исчезнувшихъ народовъ, призываетъ на помощь всю массу человѣческихъ познаній, и такимъ образомъ созидаетъ новые факты, или открываетъ новыя отношенія уже извѣстныхъ. — Такого изслѣдованія преобладаютъ болѣе всего нѣкоторыя части Древней Исторіи. Впрочемъ вообще нѣтъ ни одного отдѣла происшествій, который бы не допу-

скалъ, болѣе или менѣе, новыхъ изслѣдованій и критическихъ воззрѣній, и всякое само-бытное Историческое твореніе пребудетъ новаго разработыванія матеріаловъ. Діонисій Галикарнаскій, современникъ Августовъ, увлекаемый духомъ критики, соскучившій нелѣпостями, повтораемыми безпрерывно современными ему писателями опносительно древней Исторіи Римскаго народа, рѣшился изслѣдовать оную критически. Не смотря на то что онъ, при всей обширности познаній и рѣдкомъ терпѣніи, не достигъ своей цѣли, твореніе его важно въ томъ отношеніи, что оно дало изслѣдовательное направленіе Исторіи въ древности. Одинъ изъ величайшихъ современниковъ нашихъ, Ипбуръ, коснулся того же предмета. Ипбуръ шелъ другимъ путемъ: глубоко проникнувшій чувствомъ народности, онъ обращалъ вниманіе на внутренній характеръ происшествій, на духъ древнѣйшихъ народовъ Италіи, на ихъ обычаи и бытъ гражданскій, а не на одни только извѣстія древнихъ Историковъ, Германецъ

былъ счастливѣе своего предшественника: онъ объяснилъ, или, лучше сказать, создалъ первый періодъ Римской Исторіи. Различіе между Нибуромъ и Діонисіемъ Галикарнаескимъ такое же, какое между геніяльностію и безпалацнымъ трудолюбіемъ, между гениемъ-ислѣдователемъ и копошливымъ сведчикомъ лѣтописей.

4). *Философическое.* Человѣкъ живетъ и дѣйствуетъ;—это его назначеніе. Всякая минута жизни его ознаменована какимъ нибудь событіемъ, — слѣдствіе сего назначенія. Проявленія нравственной жизни рода человеческого не суть произведенія слѣпнаго случая: это результаты непреложныхъ законовъ, начертанныхъ десницею Міроздателя. Всякое происшествіе имѣетъ свой смыслъ, свое значеніе, свое мѣсто. Думаешь, что такое-то важное событіе могло быть такъ или иначе, случиться въ то или другое время, у того или у другаго народа — значитъ не вѣришь существованію порядка и гармоніи въ мірѣ нравственномъ. Народы не суть простые собранія умоперядѣльныхъ, соеди-

нейныхъ гражданскій узамъ: они суть существа нравственно - организованныя. Жизнь моральная и кругъ дѣйствій всякаго изъ нихъ выражаетъ особенную идею. Появленіе какого нибудь новаго народа на той или другой точкѣ земнаго шара, въ томъ или другомъ періодѣ существованія рода человеческого, не есть случайное развитіе обстоятельствъ. Всякой изъ нихъ являлся на сцену историческихъ дѣйствій съ своимъ характеромъ, съ зародыщемъ известной степени и свойствъ силъ умственныхъ, — и сей характеръ, сей зародышъ назначаютъ народу роль и мѣсто его въ Исторіи человѣчества: высшая или низшая степень развитія всѣхъ отраслей гражданской и умственной его образованности и политическое отношеніе его къ другимъ народамъ суть преимущественно слѣдствія того и другаго. Въ важномъ дѣлѣ образованія народовъ все развивается главнымъ образомъ изнутри: внѣшнее имѣетъ важность только второстепенную. Жизнь цѣлаго рода человеческого течетъ по плану, начертанному

невидимою рукою Творца вселенной. Въ известномъ порядкѣ, съ известною цѣлью, человекъ наследуетъ человеку, поколѣніе поколѣнію, народъ народу, одна масса народовъ другой. Всѣ элементы гражданской и умственной образованности человечества являются въ высшемъ, полнѣйшемъ развитіи, по мѣрѣ того какъ первая историческая роль переходитъ отъ народовъ къ народамъ, и какъ принимающіе ее превышаютъ нравственнымъ силами своихъ предшественниковъ. Еслили Историкъ, проникнутый симъ и подобными симъ идеями, принимаетъ ихъ за точки зрѣнія въ своемъ твореніи, то онъ облачается высокимъ характеромъ Философа-Историка, и даетъ философическое направленіе Исторіи. Такой философическій характеръ Исторіи вполнѣ неизвѣстенъ былъ древнимъ. Можетъ быть ни одна изъ упомянутыхъ идей никогда не возникала въ области ихъ Философій, и самая Философія ихъ была не что иное, какъ игра словъ и понятій,—любопытство младенца, чующаго присутствіе великой тайны, сокрытой отъ не-

го непроницаемою завѣсою. Германія, разсадникъ истинныхъ колоссовъ міра умственнаго, явила свѣту первое Философско-Историческое твореніе въ извѣстномъ сочиненіи великаго Гердера: *Ideen zur Philosophie der Geschichte*. (1). Принимая за главный зародышъ умственнаго и гражданскаго развитія народовъ генетическія ихъ свойства, Гердеръ старался схватить характеристику сихъ свойствъ и развитія. Можно сказать, что Гердеръ снова создалъ народы, коихъ коснулся онъ, для Исторіи, изобразивъ на скрижаляхъ ея рѣзкими, неизгладимыми чертами минувшую жизнь оныхъ.

5). *Новѣйшее*. Начало Исторіи перваго развитія нынѣшнихъ Европейскихъ народовъ, или первыя сполѣнія отдѣла Исторіи, называемой вообще Среднею, представляетъ совершенный хаосъ для Историка. Борьба древняго съ новымъ, остатковъ гражданскаго быта Римлянъ съ обычаями и постановленіями народовъ Германскихъ, народности жителей провинцій Римской Имперіи съ на-

родностию племенъ варварскихъ, муниципальнаго правленія съ военнымъ деспотизмомъ, безсиьной образованности съ мощнымъ невѣжествомъ, высокой Религіи, получившей полное гражданское примѣненіе съ грубыми повѣріями и предразсудками, бездушныхъ формъ съ дикою, необузданною законами энергіею.—Вотъ что видитъ Пеллорикъ, приспально взирающій на событія первыхъ вѣковъ, слѣдовавшихъ за паденіемъ Западной Римской Имперіи. Теперь это броженіе разнородныхъ зародышей образованія, различныхъ элементовъ народности; — прошло нѣсколько столѣтій, — и борьба исчезла, все соединилось, смѣшалось, слилось, явились однородныя массы. Какимъ же образомъ послѣдовало это, какъ происходило сіе смѣшеніе, какой постепенной ходъ перваго развитія нынѣшнихъ народовъ? Вопросъ необыкновенной важности. До нынѣшняго времени онъ не былъ рѣшаемъ нисколько не удовлетворительно; скажу болѣе: едвали кто чувствовалъ всю важность онаго. Это общій недостатокъ Пеллориковъ, посвятившихъ свои

труды Средней Истории. Независимо отъ сего недосматка, они впади въ другой, не менѣе, можетъ быть, важный. Происшествія Средней Истории имѣютъ свою особенную характеристику, и характеристику самую оригинальную. Въ сѣи вѣки варварства, неуспроиства, безпорядковъ и преобладанія личной силы все было совсѣмъ иначе, нежели нынѣ. Сходныя происшествія тогдашняго и нынѣшняго времени, независимо отъ подробностей, различествуютъ совершенно между собою въ характерѣ своемъ и результатахъ. Война, занятіе какой нибудь страны другимъ народамъ, завоеваніе той или другой области происходили совсѣмъ не такъ, какъ нынѣ, значили совсѣмъ другое, имѣли слѣдствія и раждали отношенія совершенно различныя. Царское достоинство и взаимныя отношенія подданныхъ и Монарха были иныя. Устройство всего гражданскаго быта существенно различествовало отъ нынѣшняго. Для чего же придержи- ваться такъ названій, неосшибочно ли соединять понятія новаго быта со сходными

происшествіями среднихъ вѣковъ, и все сводить на нынѣшнее? Эпо, какъ я выше сказалъ, второй недостатокъ прежнихъ Историческихъ сочиненій относительно Средней Исторіи. Онъ столько же общій, какъ и первый. Неговоря о Ремеръ, Ейхгорнъ, Целлицъ, Гейнрихъ и нѣсколькихъ дюжинахъ другихъ писателей, людей безъ всякаго вкуса и таланта, его не избѣжали даже и знаменитые Англійскіе писатели Робертсонъ (въ своемъ *introduction à l'histoire de Charles Quint*) и Юмъ. Только въ послѣднее время обратили вниманіе на сіи два недостатка, и возникло стремленіе помочь имъ. Эта честь принадлежитъ Французамъ. Славные новѣйшіе писатели Гизо, Тьерри, Барантъ, и съ нѣкоторой стороны Симондъ де Сисмонди, идутъ совершенно инымъ путемъ. Показатъ постепенное смѣшеніе, соединеніе различныхъ элементовъ правствекной и умственной, образованности и народностей, приведенныхъ, такъ сказать, въ броженіе въ началѣ Средней Исторіи; открыть всякаго происшествія истинный смыслъ и значеніе;

изобразить все въ рѣзкихъ, характеристическихкихъ его чертахъ; сообщить всему современному, мѣстный колоритъ,—вошь идея, по которымъ обрабатываютъ Среднюю Исторію сію великіе писатели. Трудъ еще не оконченъ, и далекъ, можетъ быть, отъ окончанія: это общая участь усилий человеческихъ. Но совершена уже значительная часть онаго: объяснены многіе важные предметы, распространено множество новыхъ понятій; теперь много знаемъ такого, чего прежде или вовсе не знали, или знали превратно. Истинны ли были понятія наши, на примѣръ, о водвореніи Франковъ въ Галліи, о характерѣ Германскихъ племенъ, о феодальной системѣ, о переселеніи и движеніяхъ народовъ? Достаточны ли о вѣкѣ Карла Великаго, о постановленіяхъ его и тогдашнемъ гражданскомъ бытѣ Европы? Вѣрно ли изображала намъ Исторія необузданный духъ Норманновъ, эту неукротимую страсть къ отважнымъ предпріятіямъ, эту дикую энергію души, жаждущей новаго, пытающейся дѣятельностію и спрашающейся въ то же

время постояннаго труда? Сличите Генриха II у Юма и Тьері: какая разница! У перваго поршрешъ Британскаго Государя списанъ съ кого нибудь новыхъ временъ: та же важность, то же достоинство въ поступкахъ и жизни, та же постоянная политика и образъ мыслей, какія и у нынѣшнихъ Государей. У Тьері Генрихъ является съ натуральною своею фیزیогноміею: полудикарь, полупросвѣщенный, съ необузданными спрасями, вѣроломный въ важнѣйшихъ обстоятельствевахъ, честный въ мелочахъ, набожный до суевѣрія, и издѣвающійся надъ Папою и Религіею, съ ужасною энергіею характера, совершенный эгоистъ, живущій для себя одного, непривязанный даже къ своему семейству.

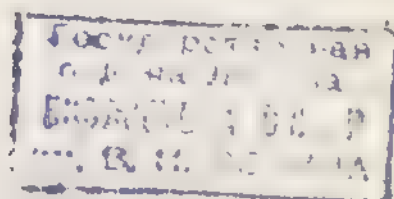
РѢШЕНІЕ ВОПРОСА.

1. Причины, по коимъ безпрестанно возрастаетъ масса историческихъ свѣдѣній и распространяется объемъ Исторіи, суть слѣдующія:

А. *Историческая жизнь рода человѣческаго.* Предназначеніе народовъ — жить и дѣйствовать. Всякая минуша жизни ихъ знаменуется какимъ нибудь новымъ событіемъ. Рядъ сплетенныхъ между собою событій, развившихся въ одинъ общій результатъ, составляетъ новый отдѣлъ Исторіи, и распространяетъ предѣлы ея. И это бываетъ въ жизни всякаго народа; — сколько же современныхъ народовъ, коихъ дѣянія входятъ во составъ Исторіи! Такимъ образомъ, въ то время какъ объемъ другихъ наукъ распространяется отъ одной изслѣдовательной дѣятельности ума человѣческаго, Исторія возрастаетъ въ массѣ матеріаловъ своихъ по свойству самихъ предметовъ, доставляющихъ ей сіи матеріалы. Относительно дру-

нихъ наукъ бывають обстоятельства, останавливающія возрастетельный ходъ ихъ: Исторія не испытываетъ сихъ препятствій. Въ вѣкъ варварства, въ вѣкъ всеобщаго, такъ сказать, окочененія ума человѣческаго, когда не только не обогащается умственное достояніе человѣка, но и упрощаются познанія уже пріобрѣтенныя, другія науки остаются на нѣсколько вѣковъ въ состояніи недвижимости: Исторія между тѣмъ накопляетъ новые матеріалы. Это существо живое, дѣятельное, безпрестанно увеличивающееся: оно прекратитъ свое возрастаніе только съ послѣднимъ дыханіемъ рода человѣческаго.— Съ того времени какъ началъ историческую жизнь свою родъ человѣческій до нынѣшняго, какая ужасная масса событій, сколько народовъ оставили рѣзкіе, неизгладимые слѣды существованія своего въ своихъ дѣянїяхъ, сколько новыхъ періодовъ въ гражданскомъ и умственномъ развитіи человѣчества! Но если обратимъ вниманіе на то, какъ увеличивалась та масса историческихъ фактовъ, которая должна

была войти въ кругъ Исторіи, ограничиваемый недоспашкомъ средствъ къ собранію историческихъ матеріаловъ и эклектиче-скою точкою зрѣнія, принимаемою Истори-ками, и на обширность объема сей массы въ различные періоды Исторіи; то прогрес-сивностію увеличиванія сего будемъ пораже-ны еще болѣе. Когда возникла первая мысль о Всеобщей Исторіи, когда онецъ сей нау-ки, Геродотъ, увлеченный разнообразіемъ и множествомъ матеріаловъ, казавшихся ему необходимыми для развитія происшествія, которое онъ предположилъ описать, рѣшил-ся познакомить современниковъ своихъ съ исторіею важнѣйшихъ народовъ тогдашняго міра; — какъ ничтожна была масса истори-ческихъ матеріаловъ, долженствовавшихъ сослужить сей первый опытъ Всеобщей Исторіи, въ сравненіи съ нынѣшнею. Въ Греціи — полу-историческія дѣянія Эллич-скихъ племенъ героическаго вѣка, недавно окончавшаяся борьба ихъ съ Персами, важ-нѣйшія частныя происшествія Греческихъ городовъ и колоній. Въ Африкѣ — аллегорич-

ческія сказанія одѣніяхъ Царей только-что утратившаго полишическую свою самостоятельность, оригинальнаго, таинственнаго народа Египетскаго, и темныя слухи объ Эѳіопійскомъ. Въ Азіи — исторія богатыхъ, роскошныхъ Лидійцевъ и новыхъ владыкъ Западной Азіи Персовъ; смѣшанныя, почти баснословныя преданія о знаменитыхъ Герояхъ и Царствахъ, существовавшихъ некогда при Евфратѣ и Тигрѣ, отдѣльные факты о торговлѣ, о религіи того или другаго народа или города. На Сѣверѣ — дикій бытъ Скиѳовъ, безъ всякихъ происшествій. Сверхъ того этнографическія извѣстія о народахъ сѣверной половины Африки и западной Азіи. — Вотъ почти все, что послужило первой попыткѣ ума человѣческаго нѣкакую для составленія Всеобщей Исторіи. Современникамъ Геродотовымъ стоило изучить 9 книгъ его творенія, прочитавъ сочиненія Логографовъ, и обратитъ вниманіе на историческіе факты Поэтовъ, для того чтобы посвящать себя въ таинства науки. — Время идетъ происшествія дѣлаются децѣ

ошо дня важнѣе, занимательнѣе..... театръ ихъ распространяется.....событія быстро мелькають одно за другимъ.....Греція порабощается; главная роль переходитъ къ другому народу; главная сцена переносится въ Азію.....возникають новыя Государства.....цвѣшуть.....падають одно за другимъ, — и наконецъ все соединяется подъ владычествомъ державнаго града. Теперь естли Историкъ, отвлекши на минушу вниманіе ошъ важныхъ современныхъ происшествій Рима, пожелаешъ обзрѣть миновшее, пройди мысленно по развалинамъ разрушенныхъ Царствъ, по основамъ исчезнувшихъ народовъ,—сколь велика масса накопившихся вновь историческихъ фактовъ, сколько новыхъ матеріаловъ для составленія Всеобщей Истории! Какое множество историковъ, долженствующихъ служить для сего источниками! Фукидиды, Ксенофонты, Эфору, Теопомпы, Филлесты, Арріаны, Геронимы, Мемноны и безчисленные другіе писатели, болѣе или менѣе важные. Сколько труда и времени стоило Діодору Сицилійскому

составить творение подобное Геродотову, спуская 4 века после сего писателя; а Диодоръ не былъ принужденъ, подобно опіу Исторіи, провести большую часть жизни въ странствованіяхъ, переѣзжаясь непрерывно изъ страны въ страну, вступая въ связи съ чуждыми ему народами, и иногда весьма тяжёлыми. Все для него было готово; свѣдѣнія собраны другими, надобно было только привести ихъ въ систему и составить изъ нихъ цѣлое: онъ могъ написать Всеобщую Исторію — не выходя изъ своего кабинета. Теперь главное дѣйствующее лицо Римъ, владыка вселенной. Здѣсь заключается пружина всѣхъ главнѣйшихъ происшествій; важность ихъ измѣряется относительностію къ политическому и гражданскому быту владычествующаго народа. Не смотря на то историческая сцена обнимаетъ еще болѣе пространства, накопленіе фактовъ продолжается по плану еще обширнѣйшему. Въ кругъ гражданской жизни Римскаго быта входятъ всѣ народы отъ Западнаго Океана до Евфрата, и отъ пустынь внутренней

Африки до Дуная; въ политическихъ дѣйствіяхъ Римлянъ сосредоточиваются происшествія почти всѣхъ другихъ народовъ земнаго шара; этнографическій объемъ Римской Исторіи есть объемъ всеобщей..... Проходятъ вѣки..... Римъ падаетъ.—Протекали два большія Енрусскія столѣтія; родъ человѣческій совершилъ два періода своего существованія; двѣ массы народовъ сыграли историческую роль свою. Мѣсто ихъ заняли народы новые. — Театръ историческихъ дѣйствій быстро распространяется; онъ обнимаетъ средину цѣлаго полушарія, по всей его длинѣ отъ береговъ Атлантическаго Океана до Восточнаго. Безчисленное множество новыхъ племенъ и народовъ различнаго происхожденія, характера, различной степени образованности, спѣшатъ умножить своими дѣяніями массу историческихъ фактовъ. Конечно происшествія дикарей, жившихъ на восточной половинѣ сего пространства, коимъ предназначена Судьбою нисшая роль въ новомъ историческомъ бытѣ, не обращаютъ на себя вниманія Цшо-

рін, идущей неуклонно путемъ эклектичскимъ; но исторія народовъ западныхъ, даже въ состояніи ихъ необразованности, а еще болѣе въ первое время водворенія въ провинціяхъ Римской Имперіи, имѣетъ право на важность всемірно-историческую: имъ предоставлена главная роль на новой сценѣ дѣйствій рода человѣческаго, это предки нынѣшнихъ народовъ Европейскихъ. Впрочемъ прежніе писатели Средней Исторіи, руководствуясь понятіями своего вѣка, оцѣнивая одну занимательность въ происшествіяхъ, пѣбировали изъ нихъ только то, что выходило сколько нибудь изъ круга обыкновеннаго; такимъ образомъ уменьшался огромный запасъ историческихъ матеріаловъ, накопившійся естественнымъ образомъ отъ столькаго числа дѣйствующихъ народовъ, и столкновенія столь многихъ и разнообразныхъ отношеній. Въ наше время, съ распространеніемъ новыхъ идей и воззрѣній, возникла точка зрѣнія на сіи факты совсѣмъ иная, и многія подробности, мелочи, казавшіяся прежде ничтожными, предачныя вѣщо-

му забвенію вмѣстѣ съ монастырскими архивами, въ коихъ сохранялись онѣ, получающъ снова мѣсто въ Исторіи. Въ послѣднія три столѣтія, періодъ дальнѣйшаго развитія Европейскихъ народовъ, историческія свѣдѣнія умножились невѣроятнымъ образомъ. Еще никогда главная историческая сцена не была такъ обширна; распространяясь мало по малу, она обняла всю часть свѣта, и съ расселеніемъ Европейскихъ народовъ посредствомъ колоній, перешла въ другія. Если колониальная исторія Европейцевъ въ Азіи, Восточной Индіи и Африкѣ не имѣетъ интереса всемірно-историческаго, за то происшествія новаго политическаго быта Америки не менѣе, можетъ быть, важны въ глазахъ Исторіи событій Европейскихъ. Съ другой стороны, дѣйствующіе народы столь близки къ намъ по времени, по духу гражданственности и образованности, по различнымъ народнымъ отношеніямъ, что съ происшествіями оныхъ, независимо отъ безотносительной ихъ важности, мы соединяемъ интересъ особенный;

и потому должны дать мѣсто въ Исторіи многому, что относительно другихъ народовъ не вошло бы въ кругъ ея. Безпокойная дѣятельность нынѣшнихъ Европейскихъ народовъ, признаковъ высокой степени умственной и душевной энергіи и величайшей способности къ развитію, и политическая тенденція вѣка знаменуютъ каждый мигъ существованія ихъ важными событиями. Еще въ свѣжей памяти у людей нынѣшняго поколѣнія бурныя происшествія начала 19 столѣтія, развязавшіяся незабвеннымъ 1815 годомъ: прошло нѣсколько лѣтъ, — и сколько новыхъ событий! Едва Историкъ успѣваетъ провести черту, на коей остановился ходъ исторической жизни рода человѣческаго, какъ новыя происшествія переходятъ за нее, и полагаютъ основаніе новому періоду.

В. Археолого-историческія изслѣдованія и открытія. Главные источники, изъ коихъ мы почерпаемъ матеріалы для Исторіи народовъ древняго міра, суть письменныя памятники Грековъ и Римлянъ. Я выше упомянулъ, что историческія свѣдѣнія ихъ бы-

ли ограничены, что иные знаменитые народы древности остались вполне неизвестными имъ, а о другихъ они должны были довольствоваться скудными и невѣрными извѣстіями. Причина сего заключается преимущественно или въ характеръ самихъ этихъ народовъ, въ стремленіе ихъ къ колоссальному въ происшествіяхъ и чудовищному, во врожденной склонности облекать все таинственностію и нисказательностію, или въ различныхъ постороннихъ общолюдскихъ, ограничивавшихъ кругъ сношеній ихъ съ другими народами. Обвинять въ семъ Грековъ и Римлянъ было бы несправедливо. Историческое любопытство не недоставало ни тому, ни другому народу. Но любопытство сіе находило къ удовлетворенію своему пріятнѣе въ различныхъ отношеніяхъ политическихъ и мѣстныхъ, въ существовавшихъ тогда средствахъ удовлетворять оному. Грекъ, напримѣръ, могъ узнать сколько нибудь исторію Египта, послѣ того какъ сія страна вступила въ тѣсныя политическія отношенія съ его соотечественниками.

ками и сблизилась съ ними въ ученѣ; могъ даже безпрепятственно заняться изслѣдованіемъ оной подъ благотворнымъ правленіемъ первыхъ Птолемеевъ. Онъ имѣлъ средствиа познакомиться съ исторіею Финикій и странъ западной Азіи, когда, на развалинахъ владычества Александра, Македоно-Эллинское племя явилось здѣсь господствующимъ народомъ, и расселилось по сему пространству. Римлянинъ, съ своей стороны, могъ знать исторію своихъ Пуновъ и Тусковъ. Но какія свѣдѣнія могли имѣть и другіе объ исторіи Китая и Индіи? Первый долженъ былъ осматриваться вполне имъ неизвѣстнымъ; а крашковременное пребываніе Эллиновъ подъ знаменами Царя Македонскаго во второй, и торговыя сношенія съ нею, хотя и постоянныя, но веденныя чрезъ посредство другихъ народовъ, могли ли сдѣлать доступными для нихъ или другихъ таинственный языкъ Санскритскій и его Литературу? Могли ли сколько познакомиться ихъ съ симъ народомъ, чтобы возбуждать живой интересъ къ оному? Извѣстно

съ какими трудомъ и препятствіями сопряжено было даже для Англичанъ, обладателей сей страны, изслѣдованіе ея древностей. Могли ли имѣть Римляне или Греки какія нибудь свѣдѣнія о древней исторіи Аравіянъ? Какъ шѣ, такъ и другіе были знакомы съ спраною сею и ея народомъ почти по однимъ слухамъ. Римлянинъ узнавалъ чуждые ему народы, только покоряя ихъ, — но Орлы его должны были остановиться почти на самыхъ рубежахъ сѣверной Аравіи; а миролюбивому, насаждающему искусству Эллину препятствовала углубиться въ внутренность сей страны негоспепріимность ея природы и жителей. Подобныя же обстоятельства сокрывали отъ шѣхъ и другихъ славныхъ сосѣдей Египтянъ, народъ Эѳіопійскій. Сии причины ограничивали кругъ историческихъ свѣдѣній древнихъ о современныхъ имъ народахъ. Впрочемъ Исторія многихъ изъ нихъ извѣстна была Грекамъ и Римлянамъ несравненно болѣе, нежели намъ. Вторженія варваровъ въ провинціи Римской Имперіи и опустошенія, ихъ сопровождавшія, всеобщее

невѣжество и совершенное безчувствіе къ изящнымъ произведеніямъ древнихъ художниковъ, сожженіе Александрійской библіотеки Аравіянами, и пожаръ Константинопольскій, при покореніи сего города Крестоносцами,—обстоятельства лишившія насъ самой большой части памятниковъ древности, и наконецъ совершенное незнаніе языка, или письма, или того и другаго вѣсти,—служащее непреодолимымъ препятствіемъ воспользоваться нѣкоторыми остатками оной, сгѣснили кругъ нашихъ историческихъ свѣдѣній относительно оныхъ народовъ, сравнительно съ Греками и Римлянами. Такимъ образомъ потеря твореній Сахоніана, Менандра Эфесскаго и Діоса ограничила наши свѣдѣнія объ исторіи и колоніальномъ бытѣ Финикіянъ. Утрата произведеній Карфагенской Литературы облекла для насъ почти въ совершенную неизвестность первоначальную исторію сего народа. Многихъ драгоценныхъ свѣдѣній о гражданскомъ бытѣ древнихъ народовъ лишились мы потому, что не дошли до насъ въ цѣлости Полипи-

ческія творенія Аристотеля. Относительно исторіи народа Эпрусскаго, упору письменныхъ памятниковъ древности могли бы вознаградить сколько нибудь дошедшіе до насъ вещественные памятники сего народа, естлибы мы обладали знаніемъ Эпрусскаго языка. Но сей языкъ исчезъ вмѣстѣ съ народомъ, говорившимъ имъ. Теперь мы съ дѣтскимъ любопытствомъ разсматриваемъ мраморныя доски, произведенія художниковъ сего народа, читаемъ письма, на нихъ изсѣченныя, и не понимаемъ нисколько содержанія ихъ: по крайней мѣрѣ до сего времени всѣ попытки Археологовъ открыть смыслъ сихъ писемъ остались тщетными, и кромѣ двухъ, трехъ словъ, объясненныхъ удовлетворительно, языкъ Эпрусскій вполнѣ остается тайною. Такимъ образомъ кругъ фактовъ относительно народовъ древняго міра ограничивается съ одной стороны недоспашкомъ историческихъ свѣдѣній самихъ Грековъ и Римлянъ, съ другой — попереку многихъ письменныхъ памятниковъ сихъ народовъ, и невозможностію воспользоваться

иъкопными останками древности. Крутъ сей должны пополнить изслѣдованія и открытія. — Когда распространеніе торговыхъ сношеній и колоніальной системы, ознакомивъ Европейцевъ съ безчисленными новыми народами, населяющими оба полушарія, и открывъ предъ ними все разнообразіе народнаго характера и внутренняго быта племенъ, составляющихъ родъ человѣческій, родило великую идею народности; когда увидѣли сверхъ того памятники многихъ замѣшшыхъ народовъ, столь грозно и шашшвенно возвѣщающіе потомству о минувшемъ существованіи ихъ: возникло высокое сціентифическое любопытство, явилось желаніе узнать языкъ, Литературу и Исторію всѣхъ образованныхъ народовъ. Начались изслѣдованія, — и слѣдствіемъ оныхъ было множество новыхъ фактовъ, неизвѣстныхъ до того времени Исторіи. Трудъ сей совершаемъ былъ съ бѣльшимъ или меньшимъ успѣхомъ, смотря по народамъ, на кои распространялись изслѣдованія ученыхъ. Исторія Мексиканцевъ и Перуанцевъ, двухъ замѣшшѣйшихъ

народовъ новаго полушарія, исчезла, кажется, навсегда для Исторіи Всемирной, не смотря на усилія Герреры, Діаца, Акосны и Робертсона, желавшихъ воскресить ее. Варварство и любоспяжаніе Испанцевъ испребили почти совершенно сіи народы, а суевѣріе ихъ уничтожило почти всѣ памятники оныхъ. Опоспешельно народовъ другихъ частей свѣта, труды изслѣдователей увѣнчиваемы были большимъ успѣхомъ. Съ того времени какъ таинственный видъ Индійскихъ памятниковъ воспламенилъ благороднаго Сиръ—Виліама Джонеса рвеніемъ къ изслѣдованіямъ древностей сей страны и возникло знаменитое Азіатское общество въ Калькутѣ, начало распространяться въ ученомъ бытѣ желаніе ближе познакомиться съ симъ народомъ, — и вскорѣ изученіе Санскритскаго языка и Литературы сдѣлалось однимъ изъ важнѣйшихъ занятій Европейскимъ Оріенталистовъ. Многіе изъ нихъ обратили особенное вниманіе на историческую часть оной. Самъ Джонесъ, и сверхъ того Вильфортъ, Гамилтонъ, Морисъ и другіе сша-

раишь данъ сколько нибудь историческій видъ династїямъ Индійскихъ Царей, и оцѣнишь, посредствомъ критики, историческіе факты, разсѣянные въ Религіозно-Эпическихъ творенїяхъ сего народа, отъ вымысловъ поэзи; между тѣмъ какъ Дависъ, Бен-плей и проч. повѣряли ихъ хронологією. Китайскій народъ, далеко не имѣя такого интереса для Историка, и незанимая столь важнаго мѣста въ исторїи умственнаго развитїя рода человѣческаго, представляетъ болѣе матеріаловъ для составленїя древнѣйшей своей Исторїи. Китайцы довольно образованъ и любопытенъ для того, что бы спарашься узнать о дѣлїяхъ своихъ Царей и предковъ, и заботишья о сохраненїи ихъ въ памяти потомства; но онъ нисколько не поэтъ, не мечтатель, подобно Гиндушу. Народная гордосшь часто влечетъ его изображать свои дѣлїя въ преувеличенномъ видѣ; но сіи преувеличенїя рѣдко переходящъ за черну вѣроянности, обыкновеннаго порядка вещей, и почти никогда не обезображуютъ до того происшествїй, чтобы изгла-

дипль въ нихъ всѣ признаки дѣйствительности. Кишайцы, не имѣвъ никогда Испорикозъ, въ строгомъ смыслѣ сего слова, — общая участь народовъ Азіи—имѣютъ одинаковъ лѣтописи. Не смотря на то, недо-вѣрчивость Правительства и народа, ограничивавшая сношенія съ ними Европейцевъ, а еще болѣе, оригинальная система письма, необыкновенно трудная, служили ориенталистамъ непреодолимыми препятствіями познакомиться ближе съ литературою и исторіею сего народа. Последнее изъ сихъ препятствій преодолѣно въ наше время значительнымъ образомъ, — и Европа днѣшнѣ охотнѣе узнаетъ народный бытъ Кишайцевъ въ собственныхъ произведеніяхъ ихъ, а Исторія обогащается фактами сего народа. Для всякаго Русскаго пріятно вспомнить при этомъ, что симъ обязаны мы особенно почтенному нашему соотечественнику, Аравитяне принадлежащъ къ числу тѣхъ народовъ древности, о коихъ не имѣли почти никакихъ историческихъ свѣдѣній ни Греки, ни Римляне. Знаменимый періодъ

существованія Аравійскаго народа конечно относясь къ временамъ позднѣйшимъ; но періодъ предшесивующій, входящій, по времени, въ составъ Древней Исторіи, имѣетъ также свою относительную важность. Происхожденіе двухъ соплеменныхъ народовъ полуострова, славное въ народныхъ преданіяхъ Царства Сабы, вѣкъ Локмана, Сеилъ-Ал-Аримъ, происхожденіе Мекки и Іаширеба, образованіе религіознаго быта сего народа, Кааба, Аль-Гасвадъ, суть историческіе пункты, достойные вниманія, необходимы для объясненія и пополненія позднѣйшей исторіи сего народа. Аравитяне, занимая, кажется, первое мѣсто въ системѣ народовъ сей части свѣта, и подходя степенью своихъ умственныхъ силъ, способностію къ развитію оныхъ, равно какъ и характеромъ своей образованности, ближе всѣхъ ихъ къ народамъ Европейскимъ, болѣе приблизились также къ нимъ въ степени историзма и заботливости объ истинѣ въ происшествіяхъ. Народъ Аравійскій богатъ мѣстоисцами, — и многіе изъ нихъ ко-

снулъсь въ своихъ сочиненіяхъ вышеупомяну-
таго періода, какъ то: Мутамедъ-Ебнъ-Омаръ-
Аль-Валеди, Ебнъ-Коланба, Абу-Джафаръ-
Аль-Табари и славный Абу-ль-Феда. Евро-
пейскимъ ученымъ остается слѣдить сіи лѣ-
тописи, снять съ происшествій, въ оныхъ
излагаемыхъ, восточный колоритъ истори-
ческою критикою, и объяснить изслѣдова-
ніями. Трудъ сей отчасти уже совершенъ
Целіемъ, Рейске, Гейне, Сильвестромъ де Са-
си и другими. Древнѣйшая исторія Египет-
скаго народа, до восшествія на престолъ
Саисской Династіи, до сего времени почти
не существовала для насъ, и что еще болѣе,
исчезла-было и самая надежда воскресить
ее. Ни одинъ народъ древности не старался
болѣе упрочить воспоминанія о себѣ въ по-
томствѣ. Тысячи народа спенали подъ бре-
менемъ тяжкихъ работъ; съ неимовернымъ
трудомъ и издержками сооружались колос-
сальныя произведенія Архитектуры и Ваянія
и покрывались гіероглифами; Живопись испо-
щала всѣ усилія для изображенія подвиговъ
знаменитыхъ Героевъ, а искусство бальзамиза-

рованія вещественнымъ образомъ передавало предшесствующія поколѣнія позднѣйшимъ. Не смотря на то ни одинъ народъ не облекъ дѣяній своихъ такою глубокою, непроницаемою неизвѣстностію. Изъ всего періода, предшесствовавшаго царствованія Псаммептиха, если и было нѣсколько фактовъ, которые можно было принять въ кругъ науки на достаточномъ историческомъ основаніи, то ими обязана Исторія чужестраннымъ писателямъ. Многіе знаменитые ученые, испытывая невѣроятныя трудности, подвергаясь величайшимъ опасностямъ, обозрѣвали сію страну, и занимались изслѣдованіемъ ея памятниковъ и изображеніемъ ихъ. Дѣло шло день ошо дня съ большимъ успѣхомъ. Послѣ довольно неудачныхъ опытовъ Покока и Нордена явились знаменитыя произведенія Денона и Французской Экспедиціи. Европа знакомилась болѣе и болѣе съ древностями знаменитаго сего народа. Внутренній бытъ его также объясненъ былъ, сколько возможно, глубокомысленными изслѣдованіями Крейдера и Герена. По историческія свѣдѣнія

нисколько не распространялись: повторяли то, что за 2000 лѣтъ сказано было Геродотомъ и Діодоромъ, дополняя ничего незначащими гипотезами. Исторія Египта въ гіероглифакъ, а гіероглифы были до сего времени камнемъ преткновенія для изслѣдователей. Одинъ изъ современниковъ нашихъ, знаменитый Шампольонъ младшій, первый изъ всѣхъ изслѣдователей Египетскихъ древностей положилъ основаніе искусству чтенія сихъ письменъ. Говорить: что Шампольонъ проникнулъ въ таинства гіероглифики, что теперь неосталось никакого препятствія къ объясненію исторіи сего народа и проч. — значитъ не давать себѣ опчепа въ шомъ, что говоришь. Шампольонъ открылъ одну фонетическую часть гіероглифики, читаетъ гіероглифы столько, сколько въ составъ ихъ входятъ звучныя буквы, и столько изъясняетъ смыслъ ихъ, сколько позволяютъ остатки древняго Египетскаго языка, сохранившіеся въ нынѣшнемъ Коптскомъ: это ограничивается одними почти собственными именами. Впрочемъ открытіе его, и еще бо-

же, открытіе многихъ произведеній Живописи, представляющихъ различныя сцены историческія и домашняго быта древнихъ Египтянъ, открытіе къ коему подало поводъ путешествіе его въ сію страну, значительно объясняютъ исторію сего народа.—Такимъ образомъ, благодаря трудамъ знаменитыхъ Европейскихъ изслѣдователей, кругъ свѣдѣній нашихъ о древней Исторіи дѣлается со дня на день обширнѣе массы историческихъ фактовъ, сообщенныхъ намъ Греками и Римлянами. Независимо отъ сего, изслѣдованія и открытія другаго рода пополняютъ сей кругъ еще болѣе. Это относится къ тѣмъ историческимъ свѣдѣніямъ, кои имѣли Греки и Римляне, и коихъ лишило насъ случайное развитіе обшествовъ. Не говоря уже объ открытіяхъ въ Помпеѣ, рѣдкій мѣсяць проходитъ безъ того, чтобы какой нибудь Археологъ не открылъ, въ той или другой справкѣ, какого нибудь отрывка древней рукописи, какой нибудь монеты, надписи, или другаго остатка древности изъ быта Греческаго или Римскаго, — а эда все или непо-

средствѣнно умножаетъ массу извѣстныхъ намъ фактовъ древней Исторіи, или служить основаніемъ для историческихъ предположеній.

С. Распространеніе новыхъ идей въ Исторіи Исторія, какъ я выше упомянулъ, родилась у Грековъ. Твореніе Геродотово можно почитать первымъ Историческимъ. Относительно матеріи, въ составъ сего сочиненія входящей не одни только происшествія: касаясь историческаго быта какого нибудь народа, опецъ Исторіи касается его нравовъ, обычаевъ, постановленій, географическихъ свойствъ страны, имъ населяемой и произведеній ея природы. Вообще Геродотъ хотѣлъ дать своимъ соотечественникамъ понятіе о примѣчательностяхъ всякаго народа, въ какомъ бы то ни было отношеніи. Такимъ образомъ въ его твореніи чисто—историческіе факты смѣшаны съ предметами Естественной Исторіи, Географіи, Космографіи, Космогоніи, Мифологіи и проч. Легко угадать причину такой неопредѣленности объема сего Историческаго твo-

репiя. Эллины Геродотова вѣка были еще въ юности, но въ юности народа, готовящагося занять важное мѣсто въ исторiи челоѳческаго образованiя. Все не-Эллинское поражаемо ихъ, все чуждое, новое для нихъ возбуждало ихъ любопытство, и сiе любопытство подстрекаемо было безъ сомнѣнiя восточными рассказами Лидiанъ и Персовъ, съ которыми сообщались они на Азiйскомъ берегу Эгейскаго моря, и преувеличенными слухами, сообщаемыми имъ собственными ихъ соотечественниками, поселенными въ другихъ странахъ. Какъ же было Геродоту упустить случай рассказать столько любопытнаго своимъ соотчичамъ? Было ли бы принято его шворенiе съ такимъ восторгомъ на Олимпiйскихъ играхъ, если бы онъ не умѣлъ сообщить ему особенной прелести посторонними рассказами? Впрочемъ въ вѣкъ Геродотовъ и не могли существовать болѣе опредѣленные понятiя объ объемѣ Исторiи. Науки были еще въ колыбели. Не смотря на значительную массу ученыхъ свѣдѣнiй, тогда существовавшихъ, мас-

са сія находилась въ состояніи хаоса. Ещё не настала вѣкъ Аристотелевъ, никому еще не приходило на мысль привести ее въ систему, раздѣлить на отрасли, по свойству ученыхъ матеріаловъ, — такъ могъ ли имѣть Геродотъ надлежащія понятія о предѣлахъ и правахъ Исторіи? Историческія творенія, слѣдовавшія за Геродотовымъ, можно назвать *Исторіями происшествій*. Я имѣлъ уже случай сказать, что я разумѣю подъ именемъ обыкновенныхъ происшествій. Такъ называю я проявленія человеческой жизни, развившіяся изъ соединенія людей въ гражданскія общества, имѣющія непосредственное отношеніе къ гражданскому быту, предполагающія совмѣстное участіе въ нихъ или нѣсколькихъ народовъ, или даже извѣстное число умонѣраздѣльныхъ одного: война, политическія сношенія съ другими народами, основаніе колоній и проч. Сей отдѣлъ историческихъ фактовъ долженъ былъ служить пріемникамъ Геродотовымъ канвою для составленія ихъ твореній. Элементарная точка зрѣнія, съ которою

смирѣли на факты, при выборѣ ихъ, основывалась на образѣ мыслей автора объ относительной важности происшествій, на различныхъ отношеніяхъ мѣстныхъ, на цѣли, которую онъ предполагалъ себѣ касательно объема своего сочиненія. Желая предсказать излагаемыя ими факты въ ясномъ видѣ, авторы часто входили въ подробныя описанія мѣстности спрашъ, служившихъ онымъ театромъ. Дабы придать жизнь и красочу своимъ твореніямъ, и сообщить имъ Философізмъ, Историки занимались развѣшеніемъ причинъ описываемыхъ ими происшествій, послѣдствій ихъ и отношеній; новѣряли истинность ихъ критикою, давая обыкновенно своимъ критическимъ изслѣдованіямъ мѣсто въ самомъ сочиненіи, и весьма часто украшали ихъ вымышленными ораторскими рѣчами. Это обыкновенный матеріальный объемъ Историческихъ твореній писателей Греческихъ и Римскихъ: постороннее, входящее въ составъ сочиненія на какомъ ни будь другомъ основаніи, вообще рѣдко. Такимъ образомъ, напримѣръ, шво-

рѣніе Фукидидово сослѣдуетъ почти исключительно изъ описанія подробностей излагаемаго имъ происшествія, бывшаго, ссычекъ, вторженій Спартанцевъ въ Ашику, морскихъ разбѣдовъ Аѣнчанъ, политическихъ переворошовъ, часно происходившихъ въ сіе время въ городахъ Греціи, вымышленныхъ рѣчей и проч; послѣдующаго у сего писателя не помню я въ цѣломъ сочиненіи ничего (разумѣется исключая вступленіе). Дошедшія до насъ книги Тита Ливія составлены изъ подробныхъ описаній мелкихъ войнъ Римлянъ съ ихъ сосѣдами, и въ послѣдствіи времени, съ Карфагенянами и Царями Македонскимъ и Сирійскимъ и мѣстными спирачъ; служившихъ имъ Теапромъ; безпресѣанныхъ споровъ Народныхъ Трибуновъ съ Патриціями и буйныхъ возстаній Плебеянъ; вымышленныхъ рѣчей орашорскихъ и проч. Въ цѣломъ твореніи есть; сколько я помню; только одно ошечуленіе: это разсужденіе о сравнительной силѣ Александра Македонскаго и Римской Республики въ его время. Такого же рода матеріалы составилъ Нешо-

рическія сочиненія Тацита: *Annales* и *Historiarum libri*; и здѣсь всего, если я не ошибаюсь, одно ошснупленіе— о чудесной пшницѣ Фениксѣ. У Діонисія Галикарнасскаго—однѣ разсказы происшествій и критич. изслѣдованія. Матеріальный объемъ Плутарховыхъ *Βίοι Παράλληλοι*, не столь чисто — историческій сравнительно съ другими твореніями: философическія разсужденія, подробности частной жизни знаменитыхъ лицъ, имъ описываемыхъ, ни сколько не принадлежація Исторіи, и проч. часто мѣшаются у него съ историческими фактами. Но твореніе Плутархово посвящено цѣли особенной, частной, и пошому можетъ составить исключеніе. Подобныхъ твореній въ древности не много: съ трудомъ можно назвать два, при. Такимъ образомъ матеріальный объемъ Историческихъ произведеній древности можно опредѣлить: А). Изложеніемъ самихъ происшествій; В). принадлежностями сего изложенія, т. е. а) показаніемъ ихъ причинъ, послѣдствій и отношеній; в). Географическими описаніями странъ, служившихъ имъ театромъ; с). критическими

иссѣдованіями; d). Украшеніемъ изложенія. Сіи понятія объ объемѣ и правахъ Исторіи, перешедшія вмѣстѣ съ другими въ новый ученый бытъ, существовали въ немъ безъ всякаго значительнаго измѣненія до второй половины прошедшаго столѣтія. Только въ сіе время возникли новыя идеи о семъ предметѣ. — Человѣкъ, живя въ предѣлахъ гражданственности, живетъ, какъ сказать, наружно и внутренно. Онъ вступаетъ въ связи съ другими народами, ведетъ съ ними войну, заключаетъ миръ, распространяетъ свои владѣнія, или лишается ему принадлежащихъ, измѣняетъ свой образъ правленія, созидаетъ для себя различныя политическія поспановленія, испытываетъ внутренніи гражданскія потрясенія, — и въ то же время распространяетъ или ограничиваетъ свою промышленность, возвышается или упадаетъ въ торговлѣ, даетъ дальнѣйшее развитіе своей ученой образованности, или упрощаетъ пріобрѣтенную имъ массу ученыхъ свѣдѣній, распространяетъ кругъ своихъ религиозныхъ понятій, дѣдаетъ измѣненія въ,

своемъ іерархическо-гражданскомъ бытѣ и проч. Два рода жизни,—два отдѣла историческихъ происшествій, въ коихъ обнаруживается жизнь сія. Провести рѣзкую черту между тѣми и другими невозможно: различіе, на основаніи котораго дѣлается сіе раздѣленіе, рѣзко обнаруживается только въ значительномъ отдаленіи отъ той точки, на которой сближаются предметы различныхъ видовъ, принадлежащихъ къ одному общему роду. Первые изъ нихъ матеріальны, очевидны, и, такъ сказать, крупнѣе: вторыя скрытны, мелки, часто не обращаютъ на себя вниманія современниковъ и неизвѣстны Исторіи. Первые могутъ быть разсмаптриваемы, и имѣютъ цѣнность порознь: вторыя, взятыя каждое отдѣльно, нецѣнны ни сколько. Первые имѣютъ тѣсную связь и заключаются результатами только въ границахъ своихъ отдѣловъ; отдѣлы же не всегда имѣютъ связь между собою, и еслили ее имѣютъ, то соединяются какъ причины и послѣдствія: вторыя напротивъ соединены всегда своими отдѣлами, и въ

своемъ возрастательномъ или угоснительномъ ходѣ, означающъ начало, продолженіе и конецъ. Первыя называются собственно происшествіями. Древніе Историки касались иногда сихъ послѣднихъ происшествій. Они давали имъ мѣсто въ своемъ повѣствованіи тогда, когда сіи происшествія имѣли какое ни будь непосредственное и очевидное отношеніе къ политическому бытію, или сами по себѣ были довольно примѣчательны для того, что бы войти въ кругъ фактовъ, описываемый эклектической ихъ точкою зрѣнія. Но они никогда не отдѣляли ихъ отъ обыкновенныхъ происшествій; никогда не приводили ихъ въ систему; никогда сіи факты не составляли у нихъ особеннаго отдѣла. Въ новѣйшія времена, когда уточнились понятія о народности, когда со словомъ: *народъ* начали соединять различныя новыя идеи, когда духъ Философіи проникъ во все отрасли человѣческихъ познаній; возникла на сіи факты точка зрѣнія совершенно иная. Исторія вышней жизни народовъ показалась слишкомъ неудовлетвори-

тельною: родилось желаніе узнать Исторію
внутренней ихъ жизни, жизни умственной
и гражданской. Съ какими элементами че-
ловѣческаго образованія начать свое поли-
ническое бытіе такой-то народъ? Какъ
постепенно развивать онъ сіи элементы?
Какимъ измѣненіямъ подвергался, въ продол-
женіи исторической его жизни, бытъ его
торговый, гражданскій, политическій, ум-
ственный, религіозный? Вопросовъ сихъ не-
могла рѣшить обыкновенная Исторія про-
исшествій: надобно было создать другую.
Начались новыя разсмотрѣнія матеріаловъ,
изъ коихъ предполагали составлять Истори-
ческія творенія, — и сіи разсмотрѣнія про-
изводились по новой идеи, съ другою точ-
кою зрѣнія. Въ массѣ фактовъ, подлежа-
щихъ для изслѣдованія, старались примѣчать
такіе, кои показывали, какъ сказать, глав-
ные узлы и нити оной жизни, болѣе явствен-
ные слѣды въ ходѣ умственного развитія
народовъ. Факты сіи следили отдѣлять отъ
обыкновенныхъ происшествій; пополняли
промежутки между ними изслѣдованіями, и

такимъ образомъ приведя ихъ по возможности въ систему и цѣлое, излагають отдѣльно. Сверхъ того новый отдѣлъ фактовъ раздѣлили на отрасли, смотря по различію самихъ элементовъ внутренняго развитія. — Такимъ образомъ распространился матеріальный объемъ Исторіи. Впрочемъ и въ семъ случаѣ, какъ и въ другихъ, умъ человѣческій долженъ былъ подвергнуться постепенности совершенствованія. Исключая многія творенія, посвященныя цѣли совсѣмъ особенной, принадлежащія не столько къ кругу Историческихъ, сколько къ Исторіи наукъ, коихъ предметовъ они касаются, въ чистю — Историческихъ творенійхъ, давая мѣсто Внутренней Исторіи, долгое время не соединяли съ нею надлежащей важности. Главнымъ была Исторія происшествій, а она второстепеннымъ, чѣмъ - то придаточнымъ, дополнительнымъ. Излагали ее вообще кратко; довольствовались нѣсколькими главными фактами, представляя ихъ часто безъ системы и внутренней связи, и не всѣ ея отрасли разсмаприваемы были у всякаго

народа. Сію Історію, излагаемую такимъ образомъ, помѣщали обыкновенно послѣ Ісповѣданій происшествій, во всякомъ періодѣ, на кон сія послѣдняя было раздѣляема. Изложивъ, говорили, Історію такого-то народа, надобно дать понятіе о внутреннемъ его состояніи. Часто цѣлые томы посвящались быти расказу происшествій, и нѣскольکو страницъ Внутренней Історіи. Въ наше время, когда понятія о сціенствѣ физическихъ предметахъ упрочаются со дня на день болѣе и болѣе, когда Философія сочешавается, — шѣе и шѣе съ другими науками, когда точка зрѣнія безпрестанно возвышается; отношеніе это совершенно измѣнилось. Главный интересъ изученія науки перешелъ на сторону Внутренней Історіи; преимущественнѣйшее вниманіе Историковъ-писателей обратилось на сію отрасль ея; большая часть изслѣдованій ихъ сосредоточилась на семъ поприщѣ. Начали обрабатывать ее по плану обширному, многообразному; коснулись всѣхъ ея вѣтвей, всѣхъ члениностей. Важнѣйшія Историческія сочине-

нія нынѣшняго времени посвящаются по большей части сей отрасли науки, и даже въ нѣкоторыхъ лучшихъ Европейскихъ Университетахъ она входитъ, сколько мнѣ извѣстно, исключительно въ составъ преподаванія. Исторіею происшествій занимаются только относительно тѣхъ отдѣловъ Исторіи, которые требуютъ или новаго критическаго изслѣдованія фактовъ, или пополненія промежутковъ, въ нихъ существующихъ. Дабы показать, съ какой точки зрѣнія расширяаются теперь сію науку, и по какимъ идеямъ занимаются обработываніемъ ея, указываю на нѣкоторыя современные произведенія Исторіи, Cours d'Histoire Moderne славнаго Гизо есть твореніе чисто — Историческое, а много ли вы найдете въ немъ собственно такъ называемыхъ происшествій? Все вниманіе автора обращено на изложеніе постепеннаго развитія элементовъ, вошедшихъ въ составъ гражданской образованности нынѣшнихъ Европейскихъ народовъ и образованія была гражданского и религіознаго. Происшествій касается онъ только

съ намѣреніемъ бросить на нихъ какую ни-
будь новую идею, новый взглядъ, разсмо-
трѣвъ ихъ съ новой точки зрѣнія. Слав-
ное твореніе Герена: *Ideen über die Politik, den
Verkehr und den Handel der Vornehm. Völker
d. Al. W.* есть также чисто — Историче-
ское, а оно посвящено преимущественно
полиптикѣ, торговлѣ, и сношеніямъ древнихъ
народовъ, и нѣкоторымъ постороннимъ пред-
метамъ, коихъ авторъ коснулся въ своемъ
твореніи съ какою ни будь особенною цѣлью,
отступивъ отъ главнаго своего плана, на-
примѣръ: изслѣдованіе древностей Египет-
скихъ и Индійскихъ, остатковъ Персепо-
лиса, географическія разысканія о жилищахъ
древнихъ Скиѳовъ и проч. Пронесенствія
излагаешъ онъ только въ томъ случаѣ,
когда они служатъ къ объясненію политики
какого ни будь народа; напримѣръ: въ отдѣ-
лѣ о Карфагенянахъ. Извѣстное сочиненіе
Флассана: *Histoire de la diplomatie Française* со-
стоитъ почти исключительно изъ исторіи
однихъ дипломатическихъ сношеній и пере-
говоровъ. *L'Europe au moyen âge* славнаго

Галлама также слегка касается происшествій, и то чисто—политическихъ. Главное вниманіе автора обращено на изслѣдованіе гражданскаго быта Государствъ, на конституціи ихъ, на Феодальную систему, на постепенное распространеніе власти Римскихъ Папъ, на нравы и обычаи среднихъ временъ.

Такимъ образомъ, на основаніи вышесказаннаго, масса историческихъ свѣдѣній увеличивается безпрестанно:

I. Отъ исторической жизни рода человеческого.

II. Отъ Археолого—историческихъ открытій и изслѣдованій. — Объемъ Исторіи распространяется непрерывно:

A. По народамъ:

I. Отъ исторической жизни рода человеческого.

II. Отъ Археолого—историческихъ открытій и изслѣдованій.

B. Матеріально:

III. Отъ распространенія новыхъ идей въ Исторіи.

II. Имѣя обязанностію рѣшить предложенный мнѣ Факультетомъ вопросъ, я предполагаю достигнуть сей цѣли, показавъ: къ какому измѣненію въ способъ преподаванія Исторіи должна подать поводъ каждая изъ сихъ причинъ умноженія массы историческихъ свѣдѣній и распространенія объема Исторіи.—При семъ починаю для себя долгомъ объявить предварительно: 1) что я приѣмлю смѣлость нѣсколько распространить предложенную мнѣ тему. Излагая мысли свои о способѣ преподаванія Исторіи и измѣненіи сего способа вообще, я иногда буду касаться существующаго у насъ въ Россіи: 2) Не упуская ни на минушу изъ виду содержанія темы, буду говорить только о тѣхъ измѣненіяхъ способа преподаванія сей науки, которыя можно разсмапривать какъ слѣдствія умноженія массы историческихъ свѣдѣній и распространенія объема Исторіи.—Приступаю къ рѣшенію вопроса.

Не нужныли измѣненія въ способъ преподаванія Исторіи, и какія именно должны быть сіи измѣненія

А. Относительно накопленія массы историческихъ свѣдѣній и распространенія объема Исторіи отъ исторической жизни рода человеческого? Слѣдуютъ ли курсы Исторіи за историческою жизнью рода человеческого? Не требуетъ ли въ семъ отношеніи какого ни будь измѣненія обыкновенный способъ преподаванія Исторіи? Отвѣчаю отрицательно. По мѣрѣ того какъ факты, составляющіе достояніе Исторіи умножаются, какъ входятъ въ объемъ ея событія народовъ или Государствъ, вновь накопившіяся, они получаютъ обыкновенно мѣсто въ учебныхъ книгахъ, составляемыхъ для преподаванія сей науки, и излагаются учащимся. Хорошій Профессоръ или Учитель Исторіи, не руководствующійся, по различнымъ причинамъ, печатными книгами, а преподающій по собственнымъ своимъ запискамъ, поступаетъ подобнымъ образомъ. Это дѣлается обыкновенно вездѣ, гдѣ Дидактика Исторіи находится въ хорошемъ состояніи. Знаю, что у насъ въ Россіи курсы Новѣйшей Исторіи часто оспачивава-

ются на Французской Революціи, или на происшествіяхъ 1815 года. Но это частности; это дѣлается не въ слѣдствіе принятаго метода, а по различнымъ другимъ причинамъ, по большой части личнымъ, относительно Гг. Учителей; это не методъ, а неисполненіе метода, уже принятаго: обыкновенный способъ преподаванія Исторіи въ семъ отношеніи не требуетъ измѣненія. —

В) *Относительно умноженія массы историческихъ свѣдѣній и распространенія объема Исторіи отъ Археолого-историческихъ открытій и изслѣдованій.* Въ изложеніи сей причины накопленія историческихъ фактовъ я сказалъ, что о многихъ народахъ древности Греки и Римляне имѣли или самыя ограниченныя свѣдѣнія, или даже не имѣли вовсе никакихъ. На основаніи сего они соснавлили для себя особенныя понятія объ объемѣ Исторіи, исключивъ изъ онаго народы мало извѣстныя имъ. Сии понятія древнихъ перешли, вмѣстѣ съ другими, въ нынѣшній ученый бытъ Европейцевъ. Исторія, какъ въ другихъ отношеніяхъ, такъ и

въ семь, подверглась общей участи наукъ; находившихъ долгое время препяиство къ дальнѣйшему развитію своему съ излишней приверженности къ мнѣніямъ древнихъ. Сколько обыкновенно проходятъ времени, пока ложныя понятія, вкоренившіяся относительно какого нибудь предмета, уничтожаются наконецъ новыми воззрѣніями! Не смотря на знакомство Европейцевъ съ различными новыми народами и ихъ Исторією, объемъ науки оставался тотъ же. Наконецъ сей предразсудокъ началъ разсѣиваться, — и во многихъ Историческихъ твореніяхъ явилась Исторія Китайцевъ, Индійцевъ и проч. Впрочемъ, сколько мнѣ извѣстно, еще и теперь этнографическій объемъ Древней Исторіи составляетъ большею частию сообразно историческимъ свѣдѣніямъ древнихъ. Не говоря о другихъ учебныхъ книгахъ, менѣе цѣнныхъ, недостатка сего не избѣжало и извѣстное сочиненіе славнаго Герена: *Handbuch der Geschichte der Staaten des Alterthums*, лучшая можетъ быть учебная книга для Древней Исторіи. Такимъ образомъ предложивъ

себѣ вопросъ: какой изъ двухъ методовъ въ семъ отношеніи должно признавать обыкновеннымъ: исключеніе ли сихъ народовъ изъ этнографическаго круга Древней Исторіи, или принятіе ихъ въ оный?—я, почти не затрудняясь, признаю обыкновеннымъ первый,—по крайней мѣрѣ это рѣшительно можно отнести къ учебнымъ заведеніямъ въ нашемъ Отеествѣ—и почитаю нужнымъ измѣнить его. Для пополненія этнографическаго объема Древней Исторіи необходимо включить въ оный историческіе факты народовъ, съ которыми познакомили насъ новѣйшія изслѣдованія. Это народы знаменитые, игравшіе некогда важную роль въ Исторіи, занимающіе важное въ образованіи человечества. Исторія ихъ составляетъ особенный періодъ въ цѣлой жизни рода человеческого; она чрезвычайно важна, и исключеніе ея изъ круга Всемирной Исторіи сдѣлаетъ въ ней послѣдней важный промежутокъ. Скажутъ: историческія свѣдѣнія наши о сихъ народахъ еще такъ бѣдны, что трудно составить изъ нихъ что либо цѣлое; а историческое основаніе

ихъ такъ еще шапко, что рѣдко — что не-
подлежитъ совершенно сомнѣнію: положимъ —
такъ. Но надобно довольствоваться тѣмъ,
что есть. Чего не можно знать въ подроб-
ности, о томъ должно имѣть по крайней
мѣрѣ какое нибудь понятіе. Изъ массы фак-
товъ несовершенно вѣрныхъ, можно выби-
рать самые вѣроятныя. Сверхъ того, за тѣмъ
ограничивая матеріальный объемъ Исто-
ріи одними собственно такъ называемыми
происшествіями, особенно опосредственно
народовъ Восточныхъ? Сколько любопытна-
го, полезнаго можно сообщить учащимся,
независимо отъ происшествій, — а у насъ въ
Россіи часто обучающіеся Исторіи оканчи-
вають подробные курсы сей науки, непо-
лучивъ ни какого понятія о бытѣ народовъ
Востока.

*С. Относительно умноженія массы и-
сторическихъ свѣдѣній и распространенія
объема Исторіи вообще, отъ обѣихъ вы-
шеупомянутыхъ причинъ. — 1. Масса исто-
рическихъ свѣдѣній непрерывно умножается;
пріобрѣтающаяся безпрестанно новыя свѣдѣ-*

нія о исторіи и бытѣ народовъ; энциграфическій объемъ Исторіи дѣлается полнѣе и полнѣе; жизнь рода человѣческаго развивается все болѣе и болѣе; окрызочныя свѣдѣнія наши о ней принимаютъ все болѣе и болѣе видъ цѣлаго:—не подаетъ ли эшо повода къ новому раздѣленію Исторіи, основанному на понятіяхъ о цѣлой, совокупной жизни рода человѣческаго, и не даетъ ли возможности обработать ее сколько нибудь полно, удовлетворительно на основаніи сего новаго способа ея раздѣленія? Обыкновенно Исторію раздѣляютъ на Древнюю, Среднюю и Новую. Раздѣленіе сіе основывается на количествѣ существующихъ историческихъ матеріаловъ и на отношеніяхъ народнаго сродства, политическихъ и времени нынѣшнихъ Европейскихъ народовъ къ народамъ древности, а отнюдь не на различіи характера нравственнаго развитія челоѣчества, назначающемъ естественныя точки раздѣленія для Исторіи. Стоитъ обратить вниманіе на число народовъ, коихъ Исторія вошла въ составъ каждой изъ оныхъ частей,

и на пространство времени, обнимаемомъ историческою жизнью ихъ, чтобы видѣть несообразность и неравенство между объемомъ оныхъ частей. Въ такъ называемой Древней Исторіи—полная историческая жизнь огромныхъ Герархическихъ Монархій и Деспотическихъ Царствъ Азіи и Африки, торговыхъ народовъ Синагоа происхожденія, племень Эллинскихъ и древнихъ Италіянскихъ; въ Средней—первый періодъ жизни народовъ Средней и Сѣверной Европы; въ новой—періодъ дальнѣйшаго развитія тѣхъ же народовъ. Древняя Исторія обнимаетъ тысячелѣтія; Средняя 10 вѣковъ; новая 3 вѣка. Сія система раздѣленія Исторіи очевидно несообразна съ понятіями нашего времени о сей наукѣ. — Осмѣливаюсь представить мысли свои касательно новой.

Почитаю нужнымъ замѣтить предвари-тельно: 1). черты человѣческаго характера, обнаруживаясь въ кругѣ безконечно обширномъ и въ безпредѣльномъ разнообразіи индивидуально, дѣлается болѣе общими, получаютъ кругъ тѣснѣйшій въ семействахъ, и еще

болѣе въ народахъ. Сіе постепенное приведеніе частностей къ общему не останавливается на народахъ: между однимъ известнымъ числомъ ихъ и другимъ примѣчается также различіе въ характерѣ,—и во всякой такой массѣ народовъ можно найтисколько характеристическихъ чертъ, отличающихъ ее отъ всѣхъ другихъ массъ. Въ степени умственныхъ силъ народовъ и массъ оныхъ существуетъ подобное различіе. На семъ основаніи родъ человѣческій можно раздѣлить, примѣнительно къ характеру развитія ихъ исторической жизни и эклектической точки зрѣнія Исторіи, на слѣдующія массы: 1) Азіатскіе народы 2) коренные жители полуострововъ Аппенинскаго и Балканскаго 3) жители средней и сѣверной части Европы. Происшествія другихъ народовъ не составляютъ доскопаянія Исторіи. Особенный народный характеръ, отличающій одну массу отъ другой, сообщаетъ и особенное свойство ея происшествіямъ, а степень умственныхъ силъ опредѣляетъ высшую или низшую степень развитія эле-

меншова челоѣчества. 2) Жизнь рода челоѣ обнаруживается беспрестанно, и припомъ на всѣхъ пунктахъ планеты, имъ занимаемой. Но умъ челоѣческій не въ состояніи обнимать сію всемірную жизнь и слѣдовать за ея измѣненіями: онъ ограничивается тѣмъ, что кажется ему болѣе примѣчательнымъ. Такимъ образомъ взоръ Исторіи обращается преимущественно на тѣ народы, въ жизни коихъ нравственныя силы челоѣчества обнаруживаются въ развитіи полнѣйшемъ, сравнительно съ другими современными народами; съ ними соединенъ главный интересъ историческій; происшествія ихъ однихъ имѣютъ важность всемірно-историческую. Сколько извѣстно Исторіи, сіе главное развитіе обнаружилось прежде всего на Востоцъ: народы Азіи первые выступили на сцену дѣйствій, какъ главныя дѣйствующія лица. Когда энергія ихъ народности ослабѣла, испощилась,—исторія ихъ лишилась важности всемірно-исторической: мѣсто ихъ заняли народы Южной Европы. Паденіемъ Рима и Константинополя оканчивается исторія

ческая жизнь народов Эллинических и Ишталіиических. Явились народы Средней и Сѣверной Европы. Главные элементы образованія человѣческаго получали бѣльшее, полнѣйшее развитіе, но мѣръ того какъ главная историческая роль переходила отъ народовъ къ народамъ, и какъ принимающіе ее на себя превышали умственными силами своихъ предшественниковъ. У народовъ Азии — рабство; у Грековъ и Римлянъ — свобода, но свобода одна политическая; въ нынѣшнемъ Европейскомъ бытѣ — свобода гражданская и личная. На Востокахъ — дикая храбрость, слабая понятія о дисциплинѣ, совершенное почти незнаніе искусства построения рядовъ и осады; въ Греческомъ и Римскомъ военномъ бытѣ — хладнокровное мужество, довольно употребленныя понятія о Тактикѣ и Фортификаціи; у нынѣшнихъ Европейцевъ — огнестрѣльное оружіе и высокая степень совершенства всѣхъ отраслей Военной Науки. Торговля караванная; торговля морская мѣстная; торговля колоніальная всемірная. — Такимъ образомъ три главные отдѣла чело-

вѣщества, — при главныхъ степеняхъ развитія нравственнаго существа человѣческаго, — при главные періода Всемірной Исторіи. Періоды сии принимаю я за основаніе раздѣленія ея на Исторію Азіатскаго человѣчества, Исторію Грековъ и Римлянъ и Исторію народовъ новѣйшихъ. На семъ основаніи Исторія Азій должна бысть совершенно отдѣлена отъ Европейской, и предшествовать ей въ преподаваніи. Систематическое изложеніе сего отдѣла Исторіи чрезвычайно трудно. Недостатокъ историческихъ матеріаловъ, безпрестанные политическіе перевороты, которымъ подвергались народы сей части свѣта, въ продолженіе всего времени, обнимаемаго историческою жизнью ихъ, необыкновенное множество Державъ, долженствующихъ войти въ кругъ сей Исторіи, характеръ происшествій, бытъ гражданскій, образъ мыслей, совершенно чуждые для насъ Европейцевъ, — все это должно привести въ необыкновенное затрудненіе Историка: ему предстоитъ изслѣдованіе и изложеніе жизни продолжительной,

необыкновенно многосложной и многообразной и мало известной. Сію Исторію, сколько я могу судить о семъ предметѣ, можно бы довольно удобно раздѣлить на слѣдующіе отдѣлы: 1.) Періодъ существованія Гіерархическихъ Монархій: Тибетской, Индійской, Египетской, (2) Эѳіопійской; сюда же можно включить Исторію Китая. 2.) Періодъ владычества народовъ при Тигрѣ и Ефратѣ. 3.) Народы Арама: Аравитяне, Сирійцы, Евреи, Финикійцы, Карфагеняне и пр. 4.) Періодъ Персидскаго владычества. 5.) Періодъ владычества народовъ чуждыхъ: Элліно-Македонянъ и Римлянъ. 6.) Монархія Парѳянъ. 7.) Исторія Большаго Калифата Аравійскаго и всѣхъ Монархій, основанныхъ симъ народомъ. 8.) Владычество народовъ при-Каспійскихъ. 9.) Монархія народовъ Могольскаго племени. 10.) Періодъ торговыхъ и политическихъ связей Европейцевъ съ Востокомъ.—Разумѣется само собою, что это введеніе новой системы не принесетъ всей своей пользы, если матеріальный объемъ Восточной Исторіи ограничится однимъ про-

исшесствіями. Преподающій долженъ представить сколько возможно полную картину цѣлой нравственной жизни Востока. — Систематическое изложеніе Исторіи второй массы народовъ и пррстей не представитъ большаго затрудненія. Исторію второй массы можно раздѣлить на 3 отдѣла: 1.) Первый періодъ жизни народовъ Эллинскаго племени, или Исторія Греціи, до утвержденія надъ нею владычества Македонянъ. 2.) Жизнь Македоно-Эллинскаго племени, исторія его расселенія и владычества надъ народами чуждыми. 3.) Жизнь Римскаго народа. 4.) Жизнь народа Греко-Римскаго, или Исторія Восточной Имперіи. — Исторія второй массы можетъ быть раздѣлена на 2 отдѣла: 1.) Исторія народовъ Средней и Сѣверной Европы. 2.) Исторія дальнѣйшаго развитія оныхъ. Первый долженъ быть раздѣленъ снова этнографически. — Изложеніе Всемирной Исторіи, по такому ея раздѣленію, опишетъ рѣзкою черною Исторію одной массы отъ Исторіи другой, представитъ въ полной картинѣ жизнь всякой массы порознь, и изобразитъ

характеръ сей жизни, дастъ понятіе о цѣлой жизни и всеобщемъ развитіи рода человеческого.

2.) Масса историческихъ свѣдѣній чрезвычайно огромна и разнообразна, и сверхъ того умножается безпрестанно; требуется большаго труда и долгаго времени, дабы охватить ее въ цѣломъ и въ подробностяхъ; обязанность Дидактики Исторіи — облегчить трудъ сей: — достаточны ли средства, кои она употребляетъ для сего? Хорошъ ли обыкновенный способъ преподаванія Исторіи, относительно выбора, расположенія и изложенія фактовъ; не требуетъ ли онъ улучшеній? — Какой способъ въ семъ отношеніи должно признать обыкновеннымъ, рѣшить трудно: всякій хорошій Учитель Исторіи слѣдуетъ, болѣе или менѣе, своему собственному. Впрочемъ сколько я могу судить о семъ предметѣ, всѣ сіи способы можно привести къ двумъ главнымъ. На основаніи перваго изъ нихъ, масса историческихъ фактовъ, лежащихъ для преподаванія, приводится въ строгую систему; наука раздро-

блается раздѣленіями и подраздѣленіями; изъ всей массы извѣстныхъ фактовъ или избираются одни главные, или помѣщаются вообще всѣ, но въ однихъ очеркахъ, безъ всякихъ подробностей и развитія; не только эпохи, но и всѣ происшествія опредѣляются хронологическими цифрами. Другой способъ, допуская также извѣстную систему въ расположеніи фактовъ, не заботится сколько о ея точности; относительно выбора происшествій онъ руководствуется занимательностію ихъ, или важностію въ нравственномъ отношеніи; касаясь какого нибудь происшествія, онъ недовольствуется, подобно первому способу, одними намеками на оное и главными чертами, но излагаетъ его подробно, и при томъ такъ, чтобы въ самомъ изложеніи его заключались средства, облегчающія изученіе оного. Первый способъ, обязанный своимъ существованіемъ систематическому духу Германцевъ, возникъ въ ихъ опечесствѣ, и преобладаетъ въ тамошнихъ училищахъ; второй болѣе принятъ во Франціи. (Въ нашемъ ученомъ и пе-

дагическомъ бытѣ, гдѣ такъ мало самороднаго, самостоятельнаго, а все заимствованное, перенятое, гдѣ все дѣлается какъ по случаю, а не въ слѣдствіе какой нибудь общей мысли, не слѣдующъ ни какому определенному способу. Какой же изъ оныхъ двухъ способовъ лучше? Дѣлаю различіе. Сравнивая достоинство ихъ относительно нашихъ учебныхъ заведеній, я предпочитаю второй. Не понимаю, какимъ образомъ можно привести въ исполненіе первый. Исторія наука обширная; сокращайте ее, сколько хотите, все составившая изъ фактовъ ея нѣсколько томовъ,—и эти томы будутъ такъ сухи, такъ безынтересны, такъ скучны; рѣдкое дѣлая въ состояніи будете швердо выучить ихъ, и рѣшительно нѣтъ ни одного, которое удержало бы ихъ прочнымъ образомъ въ памяти. Хотятъ облегчить изученіе строгою, подробною системою; но это, я думаю, еще болѣе затруднитъ оное. Эти Zeiträume, эти Abschnitte, Abtheilungen, раздѣленія, подраздѣленія, хронологическія цифры, попадающіяся почти

на всякой строкѣ, должны необходимо представлять совершенный хаосъ для дитяти, и возбуждать въ немъ тоску, при одномъ взглядѣ на книгу, по которой преподають ему сію прелестную науку. Заставляйте его, сколько угодно, твердо выучивать уроки, и безпрестанно повторять выученное; призывайте на помощь Хронологическія Таблицы, Историческіе Атласы: все будетъ тщетно. Съ дѣтскою памятью нельзя поступать насильственнымъ образомъ. Память дѣтская конечно остра, т. е. мозговые нервы у дѣтей раздражительнѣе, воспримчивѣе, нежели у человека взрослого; потому-то получаемыя ими впечатлѣнія живѣе. Но нервы сіи сильно раздражаются только тогда, когда ихъ поражаетъ что нибудь занимательное, и только въ такомъ случаѣ впечатлѣніе вѣрно, живо и прочно. У дитяти нѣтъ еще столько самостоятельной воли, что бы сдѣлать для себя предметъ болѣе занимательнымъ, нежели сколько онъ есть наковъ самъ собою, болѣе обративъ на него вниманія нежели сколько онъ обращаетъ

на себя его. Раскажите дилити какое нибудь занимательное для него происшествіе, — происшествіе это глубоко вѣжится въ его память; но заставьте его учить что нибудь для него скучное, — ученіе обратится тотчасъ въ механическое. Смотри безпрестанно на изображенія словъ, какъ на вещественные знаки, поражающіе одно изъ его чувствъ, и заставляя ихъ поражать другое чувство, посредствомъ громкаго произношенія, оно удержитъ наконецъ въ памяти порядокъ словъ своего урока, и перескажетъ вамъ слова сии. Но вы никакъ не будете въ состояніи довести его до того, чтобы оно, произносимыя сии слова, соединяло съ ними понятія, ими выражаемыя; да и самыя сии слова, вбитаыя такимъ образомъ въ память, останутся въ ней не надолго. Какимъ же образомъ можно надѣяться, что бы преподаваніе Исторіи по руководству, напримѣръ, Г. Рейнгарда, изданному Für die Schulen, имѣло желаемый успѣхъ? Мнѣ случилось познакомиться съ однимъ подобнымъ сочиненіемъ по части Древней Географіи, не помню ка-

кого-то Германскаго автора: чепыреста страницъ мелкаго шрифта, и все почти одни Географическія имена! Изученіе такой книги и подобныхъ ей рѣшительно невозможно, ни при какихъ условіяхъ, для диллѣтанта. Книги, издаанныя для сей цѣли во Франціи, я предпочитаю Пѣмецкимъ. Въ нихъ избираюся одни происшествія занимательныя, и излагаются обыкновенно подробно, ясно, привлекательно. Хорошее диллѣтанта, получившее отъ природы зародышъ спеціалитическаго любопытства, вѣрно будетъ читать и изучать такія книги безъ всякаго принужденія, даже съ охотою, а такого рода чтеніе познакомитъ его съ матеріалами Исторіи. Оно получитъ хорошее понятіе о главнѣйшихъ фактахъ сей науки; пріобрѣтетъ извѣстный кругъ историческихъ свѣдѣній,—и сіе пріобрѣтеніе, при сколько нибудь счастливой памяти и хорошемъ руководствѣ со стороны учащаго, будетъ прочно. Сверхъ того слогъ весьма многихъ Пѣмецкихъ учебныхъ сочиненій не соотвѣтствуетъ ни сколько цѣли ихъ: тяжелосль, утомительная сухосль, длинныя

периоды, спранные обороты несносны въ нихъ иногда даже и для взрослого челоуѣка. Напрошивъ того, изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ Французскихъ руководствъ, я не знаю ни одного, которое бы не было покрайней мѣрѣ ясно.—Перехожу къ Университетамъ. Въ кругѣ высшаго преподаванія Исторіи, систематизмъ и всеобъемлемость, такъ сказать, Германскихъ учебныхъ книгъ, относительно фактической стороны ихъ, имѣетъ высокое дидактическое достоинство, и совершенно соотвѣтствуетъ важной цѣли высшихъ учебныхъ заведеній. Предполагается, что обучающійся такимъ образомъ Исторіи челоуѣкъ зрѣлаго возраста; что память его обогащена уже историческими свѣдѣніями; что способности его созрѣли, и что онъ наконецъ имѣетъ столько умственной дѣятельности, чтобы сопровождать университетскія лекціи Исторіи такъ называемымъ *Quellenstudium*. Ученіе университетское есть окончательное: въ продолженіи его должно узнать систематическую часть науки вполнѣ; по окончаніи онаго остается только

приобрѣтать шѣ свѣдѣнія, кои можешь доставить одно продолжительное, многолѣтнее занятіе наукою, и слѣдовать за дальнѣйшимъ ея развитіемъ и совершенствованіемъ. Такъ по крайней мѣрѣ это обыкновенно бываетъ въ Германіи. — Изъ учебныхъ книгъ, изданныхъ въ сей странѣ для университетскаго преподаванія Исторіи, указываю на *Handbuch der Geschichte der Staaten des Alterthums* Герена и на Новую Исторію того же автора, — творенія весьма уважаемыя, но все еще, кажется, цѣнимыя ниже своего достоинства. По моему мнѣнію совершеннѣе въ семъ родѣ и быть ничего не можетъ. Превосходное раздѣленіе и система; при всякомъ періодѣ показаны источники и дано краткое, но рѣзкое и рѣшишельно всегда вѣрное понятіе объ ихъ относительномъ достоинствѣ; всякому періоду, всякому ошдѣлу, всякому ряду происшествій предшесствуютъ общіе взгляды, тонкіе, глубокомысленные, коихъ развитіе предоставляетъ авторъ или своему преподаванію, или сочиненіямъ, на кои указываетъ. По всего болѣе удиви-

тельная система въ изложеніи происшествій. Одни только намеки съ хронологическими цифрами, одна, такъ сказать, выжимка изъ происшествій; но она сдѣлана съ необыкновенною ясностію, полношою и точностію. Эта самая лучшая нить для того чтобы не заблудиться въ лабиринтѣ подробнаго изложенія происшествій, въ сочиненіи, служащемъ источникомъ для какою нибудь отдѣла Исторіи, — самое лучшее средства для приведенія въ ясный, систематическій порядокъ въ памяти большой массы фактовъ. Возьмите какой угодно отдѣлъ Исторіи, положимъ — Пелопонезскую войну; прочитайте сначала со вниманіемъ разъ и два Фукидида и часть *Πελληνική* Ксенофонта, а послѣ изложеніе того же происшествія у Герена, — и вы увидите все достоинство этой учебной книги. Къ сожалѣнію славный Геренъ не коснулся систематическаго изложенія Средней Исторіи, — къ сожалѣнію, ибо нѣтъ ничего подобнаго его учебнымъ книгамъ, для сего отдѣла Всемирной Исторіи. Сколько мнѣ извѣстно, лучшее руководство

для высшаго преподаванія Средней Исторіи, относительно системы Историческихъ фактовъ,—Handbuch der Mitlern Geschichte Ремера. (3) Оно имѣетъ большіе недостатки:слишкомъ подробная система раздѣленія, синхронистическій методъ изложенія, совершенно неудобный и неприличный Средней Исторіи, и во многихъ мѣстамъ опущенія. Что оно написано совершенно несообразно съ идеями нынѣшняго времени о Средней Исторіи, не относился къ точкѣ зрѣнія, съ которой я оцѣню его достоинство.—Закрываю изложеніе сихъ мыслей слѣдующими результатами. Германскій способъ преподаванія Исторіи по руководствамъ, принятымъ вообще въ Германскихъ училищахъ, я почитаю, какъ выше сказалъ, совершенно несообразнымъ съ способностями дѣтскаго возраста, и признаю нужнымъ ввести вмѣсто онаго Французскій. Въ кругъ преподаванія Исторіи для нынѣшнихъ училищъ должны войти произведенія самыя занимательныя, любопытныя: все, требующее сильнаго напряженія памяти со стороны учащагося, должно быть исключено

изъ онаго. Относительно раздѣленія Исторіи, въ Древней лучше всего принять систему Геренову; Средняя должна быть излагаема этнографически. Синхронистическое раздѣленіе ея, принимаемое вообще въ учебныхъ книгахъ, неприлично, по моему мнѣнію, нисколько сему опдѣлу Исторіи. Исторія каждаго Государства развивалась въ немъ бѣльшею частію самобытно, независимо отъ другихъ Государствъ; совмѣстность политическихъ дѣйствій ихъ ограничивается обыкновенно двумя, тремя Державами; ходъ внутренняго развитія ихъ совсѣмъ несовременный. Зачѣмъ же прибѣгать къ синхронизму? Естьли для облегченія памяти учащихся, то мнѣ кажется, что такое раздѣленіе напротивъ того сдѣлаешь болѣе затруднительнымъ для нея систематическое изученіе происшествій. Новая Исторія должна быть изложена также этнографическимъ способомъ. Хронологическія цифры должны быть показываемы только при главныхъ происшествіяхъ. Для облегченія памяти учащихся нехудо употреблять

хронологическія таблицы, историческіе атласы и проч. какъ это обыкновенно и дѣлается. Впрочемъ касательно сего послѣдняго предмета замѣчу мимоходомъ, что съ нимъ вообще соединяютъ болѣе важности, нежели сколько онъ заслуживаетъ. Въ преподаваніи дѣтямъ Исторіи учитель долженъ, по моему мнѣнію, болѣе всего слѣдовать одному самому простому правилу: не дѣлать его, сколько это возможно, скучнымъ.—Что касается до фактическаго способа преподаванія Исторіи въ Университетахъ, то я уже выше сказалъ, что учебныя книги, издаваемые для сего въ Германіи, имѣютъ высокое дидактическое достоинство, и что Древнюю и Новую Исторію Герена, а Среднюю Гегеля я почитаю лучшими въ семъ родѣ. Послѣдняя ближе подходила бы своимъ достоинствомъ къ двумъ первымъ, если бы расположена была этнографическимъ способомъ. Повторяю еще разъ, что синхронистическій методъ для Средней Исторіи совершенно неудобенъ. Замѣчу при семъ, что изученіе Исторіи по симъ книгамъ не

пременно должно быть сопровождаемо *Quellenstudium*.

D. *Относительно распространения объема Исторіи отъ появленія новыхъ идей о сей наукѣ.* Въ теченіи послѣдняго времени идея Исторіи, объемъ ея и цѣль измѣнились; она сдѣлалась почти другою наукою, удержавъ прежнее свое имя. Съ постепеннымъ измѣщеніемъ науки измѣнялось и самое преподаваніе оной; ибо многія изъ сихъ измѣненій, естъли не бѣльшая часть ихъ, возникли, такъ сказать, и образовались въ сферѣ Дидактики Исторической, на кафедрахъ университетскихъ чтеній. Впрочемъ измѣненія сїи въ способѣ преподаванія Исторіи вообщѣ односторонни и не всеобщи. Часто Профессоръ измѣняетъ духъ своего преподаванія столько, сколько измѣняетъ онъ, какъ преобразователь, самую науку: измѣненіями другихъ пользуется невольно, или даже вовсе не принимаетъ ихъ. Это бываетъ особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда дальнѣйшее развитіе науки принадлежитъ ученымъ иностраннымъ. Такимъ образомъ Французы,

до послѣдняго времени, почти не обращали вниманія на успѣхи, сдѣланные въ Исторіи Германцами, и не вводили результатовъ ихъ изслѣдованій въ свой кругъ преподаванія Исторіи; общество Германскихъ Историковъ, занимающихся начертаніемъ Исторіи Европейскихъ Государствъ, не воспользовалось, сколько можно судить по вышедшимъ въ свѣтъ томамъ, новыми идеями, новымъ взглядомъ на Исторію Французскихъ писателей нынѣшняго времени, — и сии идеи, какъ мнѣ кажется, не приняты еще въ Исторической Дидактикѣ Германцевъ. И эно говорю я объ учебныхъ заведеніяхъ иноспрацныхъ, и при томъ лучшихъ изъ нихъ. У насъ въ Россіи едва имѣетъ понятіе о преобразованіи Исторіи, едва только носящія слухи о новомъ развитіи науки. Въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ преподаваніе Исторіи ограничивается по большей части рассказомъ собственно такъ называемыхъ происшествій; часно рассказъ эпопъ подслащаютъ пошлыми нравственными разсужденіями, и, что еще смѣшнѣе, желая сообщить

критическій характеръ своему преподаванію, привязываются къ какому нибудь опредѣленному историческому факту, останавливаются по цѣлымъ часамъ на изслѣдованіи истинности его, или такой или другой его подробности; твердятъ безпрестанно о Шибурѣ, Геренѣ, Гизо, и всё еще, какъ остроумно выразился одинъ изъ почтенныхъ нашихъ современниковъ, заставляють прыгать Рема чрезъ ровъ новопостроеннаго Рима.— Какъ бы то ни было, только еще нѣтъ общаго новаго способа преподаванія Исторіи, способа примѣненнаго ко всемъ измѣненіямъ оной, соотвѣствующаго во всехъ отношеніяхъ той степени развитія, которую получила сія наука. Что составленіе такого способа необходимо — очевидно и не требуетъ ни какихъ доказательствъ.—Поснавая для себя обязанностію представить свои мысли къ составленію онаго, позволяю себѣ замѣтить предварительно, что дабы говорить о семъ предметѣ соотвѣстственно всей его важности, нужны обширѣйшія Историческія познанія, совершенное знаком-

сверю со всѣми лучшими новѣйшими произведеніями Исторіи; нужно много времени для обсууживанія и соображенія, а я неимѣю, и не могу пмѣть ни одной изъ сихъ принадлежностей, и потому прошу смотрѣть на мои идеи взоромъ снисходительности. Сверхъ того самые предѣлы сего сочиненія не позволяютъ мнѣ распространиться надлежащимъ образомъ о семъ предметѣ, подробно говорить о всякомъ отдѣльномъ пунктѣ онаго: я долженъ ограничить себя одними общими поаніями.

стр. 78

1.) Матеріальный объемъ Исторіи распространялся, какъ я выше сказалъ, отъ происхожденія и дальнѣйшаго развитія Внутренней Исторіи народовъ. Предметъ сей Внутренней Исторіи—всѣ элементы человѣчества. Главные изъ сихъ элементовъ: Религія гражданственность и умственное образованіе; второстепенные — бытъ военный, торговля и промышленность и бытъ общественный. Изложеніе постепеннаго развитія сихъ элементовъ составишь кругъ преподаванія Внутренней Исторіи.

2.) Внутренняя Исторія должна быть отдѣлена совершенно въ преподаваніи отъ Исторіи происшествій. Сія послѣдняя должна предшествовать ей.

3.) Прежде нежели преподающій приступитъ къ изложенію Внутренней Исторіи народовъ, онъ долженъ показать, сравнительнымъ образомъ, опличительныя характеристическія черты развитія элементовъ челоѣчества въ главныхъ періодахъ сего развитія.

4.) Исторія всякаго элемента должна быть излагаема порознь. Порядокъ сего изложенія долженъ быть основанъ на сравнительной важности элементовъ: высшіе будутъ предшествовать низшимъ. Раздѣленіе Внутренней Исторіи на части можетъ сообразоваться съ однимъ только главнымъ раздѣленіемъ Исторіи происшествій. Исторія развитія всякаго элемента должна быть излагаема непрерывно отъ начала отдѣла до конца его. Изложеніе сіе должно быть представлено въ видѣ непрерывной нити, проходящей чрезъ все періоды отдѣла, касающейся всехъ народовъ

его; ибо подчиненіе онаго синхронистической или этнографической системѣ раздѣленія Исторіи происшествій того ошдѣла необходимо будетъ служить препятствіемъ слѣдовать за постепеннымъ развитіемъ элемента. Для примѣра представляю въ главныхъ чертахъ ходъ развитія нѣкоторыхъ изъ сихъ элементовъ; избираю для Древней Исторіи элементъ религіозный. — Зародышъ религіозныхъ понятій на Восхокѣ—въ Тибетѣ, Бактрѣ, и, еслили вѣришь слишкомъ, можешь быть, смѣлому предположенію нѣкоторыхъ глубокомысленныхъ писателей, въ странахъ при-Алтайскихъ. Овеществленіе сихъ религіозныхъ понятій, и переходъ ихъ въ аллегорическій видъ; сочетаніе ихъ съ Поэзією и свѣдѣніями сціентифическими; примѣненіе къ быту гражданскому, и тѣсное соединеніе съ нимъ, обнаруживающееся въ системѣ каснѣ; распространеніе ихъ посредствомъ торговли и завоеваній въ Индію, Малую Азію, Евѳію, Египетъ и проч. Измѣненія, коимъ подвергались какъ сіи понятія, такъ и весь религіозный бытъ, на нихъ основа-

ный, отъ мѣстности странъ, въ которыя перешли они, особенно въ послѣдней. Гіерархическій бытъ Государствъ. — Религія племенъ Симовыхъ. Первоначальная чистота ея, измѣненія и испорченность; Сабензмъ и поклоненіе камнямъ у Аравитянъ; обращеніе въ грубый, чувственный видъ у Финикіянъ и Карфагенянъ; сочетаніе у сихъ же народовъ съ бытомъ торговымъ — облеченіе въ религіозныя мнѣи морскихъ плаваній, открытій и основанія колоній. — Переходъ Восточной религіи къ племенамъ Эллинскимъ. Облеченіе въ Греческую форму Восточныхъ мнѣи и религіозныхъ идей; сочетаніе ихъ съ народными преданіями, съ Поэзіею, съ бытомъ гражданскимъ и домашнимъ. Религіозныя учрежденія: оракулы, судилище Амфиктіоновъ, игры, празднества; развитіе изъ нихъ народнаго права; вліяніе ихъ на полицику и гражданственность, на Поэзію, особенно Драматическую и Эпическую; разобщеніе нравственности отъ религіи. — Религія народовъ Италіанскихъ. Существенный ея характеръ; сродство ея съ Восточною. Сліяніе различныхъ ея

элементовъ въ религіозномъ бытѣ Римлянъ; сближеніе ея съ Греческою; тѣсное сочешаніе ея съ политикою и гражданственностію.—Происхожденіе Божественной Религіи, Религіи Христіанской. Распространеніе ея. Первоначальное устройство Церкви Христо-вой; постепенное измѣненіе сего устройства; примѣненіе его къ гражданскому порядку вещей. Гіерархическая система. Ереси, Вселенскіе Со-боры. Монахизмъ. Дальнѣйшее распространеніе Слова Божія и борьба его съ язычествомъ. Со-единеніе его съ бытомъ гражданскимъ и поли-тическимъ Римской Имперіи; зародышъ Во-сточной и Западной Гіерархической системы и власни Римскихъ Епископовъ. — Для сред-ней Исторіи избираю развитіе гражданского элемента.—Понятія о муниципальномъ бытѣ провинцій Римской Имперіи, въ послѣднее время существованія оной. Характеръ Гер-манскихъ народовъ, ихъ обычаи и поста-новленія; различные зародыши гражданствен-ности, долженствовавшіе развиться въ по-слѣдствіи времени отъ переменъ отноше-ній. Картина Европы во время всеобщаго

движенія народовъ: опустошенія, грабежи, испроверженіе существовавашаго до того порядка вещей, смѣшеніе, хаосъ. Занятіе новыми народами земель; перемѣна образа ихъ жизни и отношеній. Борьба элементовъ гражданскаго быта Германцевъ съ остатками Римскаго. Въкъ Карла Великаго. Феодальная система; начало ея; дальнѣйшее развитіе; раздробленіе феодальныхъ земель, распространеніе феодализма навесь бытъ гражданскій. Феодальная гіерархія, образованіе большихъ феодальныхъ массъ, почти совершенное отсутствіе центральной власти. Муниципальная система. Происхожденіе ея. Борьба ея съ феодализмомъ; внутреннее ея развитіе; соединеніе ея со властію Монархическою. Постепенное возвышеніе единовластія. Упадокъ феодальной Аристокраціи. Происхожденіе класса свободныхъ земледѣльцевъ. — Въ новой Исторіи беру для примѣра развитіе торговаго и колоніальнаго элемента.—Общее понятіе объ устройствѣ Европейскихъ колоній въ другихъ частяхъ свѣта; различные роды ихъ. Первыя открытія и завоеванія Испанцевъ въ Америкѣ. Утверж-

деніе Португальцевъ въ Остѣ-Индіи; понятіе о владычествѣ ихъ въ сей странѣ, и объ Остѣ-Индійской ихъ торговлѣ. — Основаніе Испанскихъ Колоній на материкѣ Америки. Управленіе сими Колоніями, устройство духовнаго и общественнаго ихъ быта; важность ихъ въ статистическомъ отношеніи; введеніе торговли невольниками и Неграми; торговый бытъ оныхъ Колоній. — Распространеніе Португальскаго владычества въ Остѣ-Индіи. Колоніальный бытъ сего народа въ Бразиліи и Африкѣ. — Первое путешествіе вокругъ свѣта; слѣдствія сего событія для торговли. — Упадокъ владычества Португальцевъ въ Азіи; причины сего событія. — Утвержденіе Испанцевъ на Филиппинскихъ островахъ. — Появленіе Голландцевъ въ Остѣ-Индіи. Основаніе Голландской Остѣ-Индійской Компаніи; устройство ея и торговые правила. — Начало торговли Англичанъ съ странами Азіи. Англійская Остѣ-Индійская Компанія. Рыбныя ловли ихъ. Основаніе Англійскихъ Колоній. Первые покушенія Англичанъ и Франгузовъ утвердиться въ

Сѣверной Америкѣ.—Основаніе Голландцами
 Батавіи. Покореніе ими Португальскихъ вла-
 дѣній въ сей странѣ. Основаніе Колоній на
 Мысѣ Доброй Надеждѣ. Учрежденіе Голланд-
 ской Остѣ-Индійской Компаніи. Рыбныя лов-
 ли ихъ.—Основаніе Англическихъ Колоній въ
 Вестѣ-Индіи и Сѣверной Америкѣ.—Попытки
 Французовъ водвориться въ Вестѣ-Индіи.
 Система Кольберна относительно Колоній
 и торговли; слѣдствія ея для колоніальнаго
 и торговаго быта Французовъ. основа-
 ніе въ Остѣ-Индіи Колоній сего народа, за-
 висящихъ отъ Правительства. Утвержденіе
 владычества Французовъ на островѣ Сан-
 Доминго. Происхожденіе Букарьеровъ и Фли-
 бюстьеровъ. Основніе Вестѣ-и Остѣ-Индій-
 ской Французской Компаніи.—Улучшеніе ко-
 лоніальнаго быта Англичанъ на островѣ
 Ямаикѣ, и слѣдствія сего для владычества
 ихъ въ Остѣ-Индіи. Улучшеніе Англическихъ
 Колоній въ Сѣверной Америкѣ. Учрежденіе
 Гудзонской Компаніи. Соперничество Англи-
 чанъ и Голландцевъ въ Остѣ-Индіи, и проч. и
 проч. Подобнымъ образомъ должна бытъ из-

лагаема Исторія развитія другихъ элементовъ.

3.) Излагающій такимъ образомъ Внутреннюю Историю народовъ не долженъ довольствоваться однимъ поверхностнымъ взглядомъ, обзоромъ ея: онъ долженъ остановиться на всякомъ важномъ предметѣ, дать ясное, точное и даже подробное понятіе обо всемъ, что только ни заслуживаетъ вниманіе. Онъ не долженъ бояться упрековъ за нарушеніе правъ другихъ наукъ: въ противномъ случаѣ онъ уронитъ достоинство своей. Исторія, разсматриваемая съ высшей точки зрѣнія и сколько нибудь приближенно къ своему идеалу, есть нѣкоторымъ образомъ *Παράθεσις*, относительно предшеслвующихъ періодовъ развитія человѣческихъ знаній, — она есть архивъ, въ который складывается поперявшее цѣнность достояніе другихъ наукъ. Впрочемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ должно ограничиться нѣсколькими чертами, нѣсколькими понятіями, но сіи черты должны быть истинно характерическія. Въ семъ случаѣ излагателя И-

історіи или преподавателя ея можно сравнить съ живописцемъ: сей иногда въ двухъ, прехъ чертахъ схватываетъ совершенно характеристику лица а иногда почти всѣ части его срисованы вѣрно, и все мало сходства между портретомъ и оригиналомъ. Иногда нѣсколько строкъ дадутъ лучшее понятіе о какомъ нибудь предметѣ, нежели цѣлыя сотни страницъ.

6.) Излагающій такимъ образомъ Внутреннюю Исторію долженъ совершенно обнимать науку. Онъ долженъ быть хорошо знакомъ со всѣми лучшими сочиненіями по сему предмету, какой бы странѣ или народу ни принадлежали они. Ему должно быть извѣстно состояніе не только цѣлой науки въ его время, но и каждой ея отрасли, каждаго отдѣльнаго предмета. Онъ воспользуется всѣми открытіями, изслѣдованіями, всякимъ новымъ шагомъ въ наукѣ: всѣ ложныя понятія и воззрѣнія, принадлежащія къ предшествовавшему періоду развитія ея, надобно замѣнять новыми. Для Системы Феодалной предосудочны Мабліи и Монтескіе;

надобно обратиться къ Гизо и Галламу; одинъ Рейналь не можетъ служить руководителемъ для Колоніальной Исторіи: должно призвать на помощь Заалфельда; для Политической Исторіи Италіи, кромѣ Муратори, нужно еще воспользоваться важнымъ сочиненіемъ Симонда де Сисмонди. Однимъ словомъ, переводителями ему должны служить всѣ лучшіе новѣйшіе писатели: Геренъ, Гёрресь, Тьері, Барантъ, Крейцеръ, Гюльманъ, Савиньи и проч.—Такое преподаваніе Внутренней Исторіи предоставляю я университетскимъ лекціямъ.

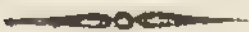
Примѣчанія.

1) Съ нѣкотораго времени обратили особенное вниманіе на твореніе Вико и начали высоко цѣнить его. Судя поному, что говорятъ о немъ другіе, можно подумать, что Вико имѣетъ право оспаривать славу автора перваго Философію - Историческаго творенія у Гердера: мнѣ самому сочиненіе сіе неизвѣстно.

2) Я причисляю народъ Египетскій, по характеру его образованности, къ народамъ Азіи. Происхожденіе сего народа, или, лучше сказать, двухъ первыхъ касъ онаго, выводима ближайшимъ образомъ изъ Эѳіопіи; откуда они пришли въ сію страну, рѣшить невозможно. Едва ли Египтяне принадлежатъ къ кореннымъ народамъ Африки: кажется первоначальное общество ихъ — Азія.

3) Весьма уважаютъ Среднюю Исторію Лудена. Признаюсь, что я не имѣлъ случая познакомиться съ симъ сочиненіемъ, и по-

тому не могу судить, какому изъ двухъ должно отдать предпочтеніе, Луденову ли или Ремерову. Изъ всѣхъ систематическихъ книгъ Средней Истории самымъ лучшимъ кажется мнѣ сіе послѣднее.

ОСНОВНЫЯ МЫСЛИ РАЗСУЖДЕНІЯ.

1.) Исторія въ идеаль есть наука, изображающая теченіе нравственной жизни рода человѣческаго, какъ индивидуально, такъ и по народамъ, и относительно всего рода человѣческаго.

2.) Идеальную Исторію дѣлають невозможною для человѣка: 1. относительная слабость умственныхъ силъ человѣческихъ и ограниченность круга его отношеній и дѣятельности; 2. недостатокъ матеріаловъ для составленія такой Исторіи; 3. понятія человѣка о важности сціентифическихъ предметовъ.

3.) Въ кругъ Исторіи входятъ: 1, факты явные; 2. факты скрытые; 3. факты гипотетическіе; 4. Философическая часть Исторіи.

4.) Исторія, въ строгомъ смыслѣ сего слова, никогда не была доислѣдъ народовъ Азіи.

5.) Исторія родилась у Грековъ. Твореніе Геродотово можно признати первымъ Историческимъ.

6.) Исторія въ различныя времена имѣла различныя направленія; главнѣйшія суть: 1. Риторическое, 2. Эклеклическое, коего главные вѣтви: а.) Правдивенное, б.) Политическое с.) Религіозное, 3. Изслѣдовательное, 4. Философическое, 5. Новѣйшее.

7.) Причины, по коимъ умножается масса Историческихъ свѣдѣній и распространяется объемъ Исторіи, суть: 1. Историческая жизнь рода человѣческаго, 2. Археолого-Историческія изслѣдованія и открытія, 3. распространеніе новыхъ идей въ Исторіи.

8.) Матеріальный объемъ другихъ наукъ распространяется отъ одной изслѣдовательной дѣятельности ума человѣческаго: Исторія возраспаеетъ въ массѣ своихъ матеріаловъ по свойству самихъ предметовъ, доставляющихъ ей сіи матеріалы.

9.) Кругъ нашихъ Историческихъ свѣдѣній о народахъ древняго міра ограничивается: 1. недостаткомъ историческихъ свѣ-

дѣній самихъ Грековъ и Римлянъ о современныхъ имъ народахъ, 2. поперею многихъ письменныхъ памятниковъ древности, и невозможно воспользоваться нѣкоторыми остатками оной.

10.) Исторія Мексиканцевъ и Перуанцевъ исчезла навсегда для Исторіи Всемирной.

11.) Для составленія Китайской Исторіи имѣется болѣе матеріаловъ, нежели для Исторіи Индійцевъ.

12.) Періодъ Исторіи Аравитянъ, предшесвующій вѣку Мугаммедову, имѣетъ также свою относительную важность.

13.) Аравитяне болѣе всѣхъ народовъ Азіи приблизились къ Европейцамъ способностію къ развитію умственныхъ силъ, характеромъ своей образованности и степенью историзма.

14.) Изъ Исторіи Египта до временъ Псамметиха естьли и было нѣсколько фактовъ, которые можно было принять въ кругъ науки на достаточномъ основаніи, что

стмъ обязана Исторія писателямъ ино-
спраннымъ.

15.) Шампольонъ Младшій читаетъ одни
фонетическіе гіероглифы.

16.) Причины неопредѣленности матері-
альнаго объема творенія Геродотова заключа-
ются въ желаніи самаго автора сообщить
занимательность повѣствованію, и въ мла-
денческомъ состояніи наукъ въ его время.

17.) Матеріальный объемъ историче-
скихъ произведеній древности можно опре-
дѣлить: 1. изложеніемъ происшествій, 2. при-
надлежностями сего изложенія, ш: е: а. по-
казаніемъ причинъ, послѣдствій и отноше-
ній описываемыхъ событій, в. Географиче-
скими описаніями мѣстности странъ, слу-
жившихъ имъ театромъ, с. Риторическими
украшеніями, д. критическими изслѣдова-
ніями.

18.) Человѣкъ, живя въ предѣлахъ граж-
данственности, живетъ наружно и внутрен-
но. Два рода жизни, — два отдѣла происше-
ствій, въ которыхъ обнаруживается жизнь
сія. На семь основаній Исторію можно раз-

дѣлится: на Исторію происшествій и Исторію Внутреннюю.

19.) Матеріальный объемъ Исторіи распространился отъ происхожденія Исторіи Внутренней.

20.) До послѣдняго времени болѣе цѣнилась Исторія происшествій: Внутренняя Исторія была чѣмъ-то придаточнымъ, дополнительнымъ.

21.) Въ новѣйшее время несравненно болѣе обращаютъ вниманіе на Исторію Внутреннюю; ей посвящаютъ по большей части лучшія современныя Историческія творенія.

22.) Для пополненія этнографическаго круга Исторіи необходимо должно принять въ оный историческіе факты народовъ, съ которыми ознакомили насъ Археолого-Историческія открытія и изслѣдованія.

23.) Обыкновенное раздѣленіе Исторіи на Древнюю, Среднюю и Новую основывается ошибкой не на различіи характера развитія элементовъ человѣчества. Оно несообразно съ понятіями нынѣшняго времени объ Исторіи.

24.) Различіе въ народномъ характерѣ и степени умственныхъ силъ усматривается также и массахъ народовъ, подобно какъ въ народахъ и умонераздѣльныхъ.

25.) Высшая или низшая степень умственныхъ силъ всякой массы народовъ опредѣляетъ высшую или низшую степень развитія элементовъ человѣчества.

26.) Сіи элементы являются въ высшемъ, полнѣйшемъ развитіи, по мѣрѣ того какъ главная историческая роль переходитъ отъ народовъ къ народамъ, и какъ принимающіе ее на себя превышаютъ умственными силами своихъ предшественниковъ.

27.) На основаніи понятій о цѣлой, совокупной жизни рода человѣческаго Исторія можетъ быть раздѣлена на 3 отдѣленія: 1.) Исторія Азіатскаго человѣчества, 2) Исторія народовъ Эллинскихъ и Италійскихъ, 3) Исторія народовъ Средней и Сѣверной Европы.

28.) Восточная Исторія можетъ быть раздѣлена на 10 отдѣловъ (смотри. спран. 90)

29.) Историю народовъ Эллиническихъ можно раздѣлить на 4 отдѣла (смотри стр. 91).

30.) Различныя фаллическіе способы преподаванія Истории могутъ быть приведены къ двумъ главнымъ: Французскому и Нѣмецкому.

31.) Относительно высшихъ учебныхъ заведеній, Французскій долженъ быть предпочтенъ Нѣмецкому.

32.) Напримѣръ того, относительно высшаго преподаванія, Нѣмецкій имѣетъ преимущество предъ Французскимъ.

33.) Лучшія руководства для преподаванія Истории въ Университетахъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ суть: Древняя и Новая Исторія Герена, и Средняя Фемера.

34.) Последняя имѣетъ большіе недостатки; главный заключается въ синхронистической системѣ ея расположенія.

35.) Синхронистической способъ изложенія совершенно неприличенъ Средней Исторіи.

36.) Главныя элементы человѣчества суть: Религія, гражданственность, ученое

образование; второспепенные: быть военный, торговля и промышленность и быть общественный.

37.) Исторія происшествій должна предшествовать въ преподаваніи Исторіи Внутренней.

38.) Исторія развитія всякаго элемента должна быть излагаема отдѣльно.

39.) Прежде нежели преподающій приступитъ къ изложенію Внутренней Исторіи народовъ, онъ долженъ показать сравнительнымъ образомъ отличительныя характеристическія черты развитія элементовъ человѣчества въ главныхъ періодахъ сего развитія.

40.) Раздѣленіе Внутренней Исторіи на части должно сообразоваться съ однимъ только главнымъ раздѣленіемъ Исторіи происшествій.

41.) Исторія, разсматриваемая въ высшей точки зрѣнія и сколько нибудь приблизительно къ своему идеалу, есть нѣкоторымъ образомъ *Παράδειγμα* относительно пред-

шествующихъ періодовъ развитія человѣческихъ знаній.

42.) Излагающій Внутреннюю Исторію долженъ обнимать совершенно науку и слѣдовать въ своемъ преподаваніи за дальнѣйшимъ ея развитіемъ.

Замѣченная ошибка:

На стр. 91 строк. 7. напеч. 3. чит. 4.

мк
2

2007042717